

Людмила Милевская

А я Люблю военных...

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Людмила Ивановна Милевская

А я люблю военных...

Серия «Соня Мархалева

— детектив-оптимистка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131021

А я люблю военных...: 2001

ISBN 5-04-008787-X

Аннотация

Что может заставить обворожительную женщину после веселого новоселья заснуть лицом в тарелке салата? Конечно, подмешанное в вино снотворное и происки врагов! Не успевает Сонька Мархалева поднять лицо из салата, как ей в руки попадает гранатомет и ее тут же обвиняют в покушении на президента! Да не может такого быть, решает Сонька. Назло ФСБ, бросившему ее мужу и подруге-разлучнице она отправляется на поиски правды. И не одна. Соньке помогает настоящий японский самурай. А вместе они несокрушимая сила!..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	56
Глава 7	61
Глава 8	68
Глава 9	78
Глава 10	88
Глава 11	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Людмила Милевская

А я люблю военных...

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Мы с Марусей насплетничались вволю и замерли перед телевизором – шли новости. Невидящими глазами мы смотрели в экран, каждая думала о своем. Я о подлой Юльке, отбившей у меня мужа, Маруся о своем Ванечке. Переживала, бедняжка, наверняка подозревала уже всех подруг, строила планы как от них избавиться, увлеклась, занервничала...

У нервной Маруси появляется невероятный аппетит, и на этот раз появился.

– Слышь, старушка, – обратилась она ко мне, не отводя глаз от телевизора, – прямо вся я что-то проголодалась. Пойди-ка, сваргань бутербродик.

И в тот же миг солдат на экране вытянулся в струнку, отдал честь и отчеканил:

– Будет сделано!

Потом он расслабился, по-детски широко улыбнулся, шутливо сделал нам с Марусей «козу» и исчез. Пошли зарубежные новости.

– Тебе бутерброды парень варганить отправился, – завершила я Марусю.

– Я прямо вся так и поняла, – рассмеялась она и добавила: – Видишь, какие интересные бывают в жизни совпадения.

– Еще и не такие бывают, – откликнулась я. – Иной раз задумаю книгу, а вместо меня возьмет и напишет ее сама

жизнь. Остается только героев в другую эпоху переставить да чуть-чуть их с тем временем совместить, а все остальное ну точь в точь.

Маруся всплеснула руками:

– Как я завидую тебе, старушка! Ведь эти герои твои, мужчины, и ты их всех-всех можешь одним лишь росчерком пера в себя влюбить.

– Да, – согласилась я и уточнила: – Несколькими ударами по клавишам.

Глава 1

Поэт

Многоголосый гомон толпы вспорол дерзкий смех.

Четверо аристократов, рассекая чернь, продвигались к окраине Киото. Напористы и высокомерны. Буйная радость юности, неумемная жажда жизни.

В «веселый квартал»!

В объятия нежных и покорных дзёро!

Скорей, – жизнь воина не терпит заминок!

Дыбятся металлом жесткие ёрои, дерзко растопырены мечи – угроза нерасторопным.

Можно ли иначе с быдлом?

Воины в боевом снаряжении опасная редкость на улицах Киото.

Прочь с пути! Прочь!

Им ли, славным буси, жалеть плебс. Зевака не доживет до завтра, до светлого праздника Аой Мацури.

Паника, смятение, – не дрогнет рука самурая, скатится в пыль голова. Берегись зевака!

Сочатся надменным презрением лица бронированных аристократов. Задеть ножами воина – неслыханное оскорб-

ление. Но только воина. Здесь, в этой толпе, можновсе.

Весело блестя глаза, бурлит кровь.

Гордо шествует Сумитомо Фудзивара, но не цепляет прохожих. Мягкая улыбка освещает лицо, мечтателен, миролюбив поэт Сумитомо – ронин великого клана.

«Светел мир, – приятно волнуясь, мечтает он, – но что мир без Итумэ?

Жизнь ждет... Прекрасен день... Прекрасна ночь... И стихи... И гейся – улада поэта. Лишь гейся... Увидеть ее... Коснуть рукава кимоно...»

– С пользой проведем время! – улыбаясь друзьям в предвкушении удовольствия, заявил Кусоноки.

– Как иначе в Симбара? – усмехнулся Хейдзо Кадзивара.

– «Божественные врата» для того повелели сделать курава, чтобы вассалы его точно знали, где можно купить любовь.

– Покупать любовь мерзость! – оборвал друга Сумитомо. – Поэты предпочитают гейся – женщин искусства. Платить нужно за роскошь общения, любовь – получать бесплатно.

– О-о! Да ты влюбился в молодую гейся! Летишь на яркий свет любви, – рассмеялся Абэ Кусоноки. – Летишь, забыв мудрость: «За бесплатное платят втрое.»

Веселый тон Абэ поддержал и насмешник Хейдзо.

– Ах, Итумэ! – тоненько пропел он. – Обворожительна и умна! Таких жаждут поэты!

Он сделал выпад в сторону Сумитомо и грозно крикнул:

– Конец тебе, заболел любовью!

Дружный смех – ответом ему. Лишь Сумитомо нахмурился. Заметив это, Абэ посоветовал:

– Сделай гейсю любовницей, и все. Здоров!

Яростный молчун Энъя Ёриёси не стерпел, принял участие в разговоре.

– Ты больше поэт, чем буси, Сумитомо, – заявил он. – Тебе пристало покупать общение, а воину нужна женщина. Покорная и молчаливая. Абэ прав: сделай Итумэ любовницей.

Сумитомо вспыхнул. Рука потянулась к мечу. Но мысль опередила:

«Лишь коснусь рукояти... Поединок! Смертельная дуэль с другом! Тронуть меч – оскорбление... Чем обидел он меня? Сказал, что поэт? Это правда. Сказал, что меньше буси, чем поэт?! Но всем известно, я завершил путь меча. Лучший мастер Кендо обучил меня... Я не сдержан! Энъя – хороший друг... Итумэ ждет... Мир слишком жесток, чтобы сражаться с друзьями, а я слишком влюблен. Однако...»

– Может быть не я побил тебя деревянным мечом? – нарочито свирепо вращая глазами, спросил Сумитомо. – Хочешь еще?

Ёриёси лишь равнодушно пожал плечами под жесткими пластинами ёрои. Шутка не скрыла истинных чувств друга.

– Стоит ли обижаться Сумитомо, – миролюбиво ответил он. – Ты человек чести, искусный фехтовальщик, всем известно. Но и Книга пяти колец, превзойди ее ты, не сдела-

ет из тебя буси. Воин жесток, беспощаден, а поэт... – Ёриёси неопределенно взмахнул рукой, – сам знаешь, что такое поэт... Ты предался «ветру и потоку», наслаждаешься радостями божественной жизни.

Сумитомо вспыхнул.

– Наши предки умели все сочетать, – горячо возразил он, – не были жестокими, чтителами справедливости!

– Говорят, предкам это удавалось, – признал Ёриёси, – но они все поэты...

Он смахнул со лба пот, утомленный слишком длинной речью.

* * *

Погуляли мы неплохо, и проснулась я (для такого исключительного случая) вполне традиционно: лицо лежало в тарелке с салатом. Правда, почему-то мы с моим лицом находились на полу. Под столом.

«Бог ты мой!» – подумала я, с отвращением отползая от салата.

Аппетита не было никакого, впрочем, как и самочувствия. И сон очень странный снился: Сумитомо, Ёриёси... Бррр!

Хотя, какой еще может присниться сон, когда почиваешь под столом в салате?

Из-под стола я попыталась выбраться, но тут же поняла, что это невозможно: едва приподнявшись, рухнула на преж-

нее место и сомкнула глаза, растеряв последние силы.

Да-а, все сильнее и сильнее ощущается: неплохо мы вчера погуляли! Люба может быть довольна – новоселье удалось. Хоть куда новоселье! Удалось на славу!

Хорошо еще, что я редко пью – так же и погибнуть можно, но с другой стороны надо, надо чаще тренироваться – форма отвратительная. Ну сколько мы там выпили? Я-то точно мало, и вот какая неприятность случилась со мной: очнулась в салате. Как же тогда чувствуют себя остальные?

Собравшись с духом, открыла один глаз: увидела (комната, слава богу, большая) спящего вдалеке на диване Валеру, мужа моей подруги Любы. Он так храпел!

Любы с ним рядом не было. Я заволновалась: где же Люба? Теперь, когда меня бросил муж, и я женщина свободная...

И Бог знает как мы вчера веселились, какие откалывали номера, не каждый же день моей Любе наследство подваливает в виде четырехкомнатной квартиры.

Нет, ну до чего же хороша квартира! Один коридор чего стоит: хоть на велосипед садись и...

И по кухне на велосипеде ездить можно, а зал! Я прямо в зале и залегла! Какие просторы! Какие просторы!

Короче, повод достойный – одно оправдание. Как тут не погулять, когда роскошная квартира подвалила, просто с неба упала. Как уж тут не погулять...

Но мы что-то слишком. Живу не первый год, но в тарелке

с салатом еще не бывала. Даже на своем новоселии. Правда тогда мне было около трех лет... Да-аа, пора и мне менять квартиру, слишком старая она.

Бог мой, если квартира старая, что же говорить обо мне? Всю жизнь в этой квартире прожила, но что я все о грустном? Хотя, веселья не предвидится уже.

Но где же Люба?

Серьезно озабоченная – как бы какого дела не пришили, Люба бывает ревнива – я открыла второй глаз и с изумлением обнаружила, что мы с Валерой в комнате одни, если не считать мухи и мужика в фуфайке, стоящего у окна.

Муха немая, да и мужик не в счет, он к нам спиной, сразу скажет, что ничего не видел. Доказывай потом, что ты честная и непорочная. Даже то, что я на полу, а Валерка на диване – не спасет. Теперь я женщина свободная. Люба мне вчера об этом раз десять сказала. Она хорошая подруга, но я поняла это как намек, мол поменьше к нам в гости шастай, мол я многодетная, а у тебя одна дурость в голове. Мол как замуж выйдешь, так дальше со мной и дружи, а пока...

Ха! Будто замужество от чего-нибудь спасало...

Но с другой стороны, моего-то мужа моя незамужняя подруга увела...

И все же, где эта чертова Люба? Неровен час, набросится на меня. Валерка, конечно, на диване, а я на полу, но ревность враг логики. Надо срочно бежать искать Любу.

Тут же вторично выяснилось, что бежать я не могу по со-

вершенно неприличной причине: ноги все еще не держат.

Это сколько же мы вчера выпили? И еще этот мужик в фуфайке у окна, и эта муха ко мне привязалась! Ох, как тревожит она меня. Прямо в недра мозгов так и лезет, так и прет-ся туда, где и без нее, назойливой, проблем хватает. Муха. Муха-муха, но сколько же мы вчера выпили? Судя по горе бутылок в углу, убийственно много.

По этому случаю из груди моей вырвался стон, и в этот момент я наконец осознала то, что мои умняющие мозги так долго пытались до меня, дуры, донести: «Так вот что за муха сидит на плече мужика! Это же гранатомет! „Муха“! Ручной гранатомет „Муха“! На плече мужика! Ох, сейчас и бабахнет!

Да эта сволочь мне барабанные перепонки порвет!»

Каким-то чудом подняли меня непослушные ноги и...

Поднять подняли, но не удержали. Я рухнула рядом с мужиком, уцепилась в его фуфайку, и тут-то бабахнуло: из «Мухи» вырвался язык пламени, над моей головой пронесся сноп пепла и гари, комната наполнилась едким дымом. «Елки-палки! – ужаснулась я. – Что делал здесь этот идиот? Окно же выходит на правительственную трассу! Е-пэ-рэ-сэ-тэ! Кого моя Люба пригласила на новоселье?!»

Это была моя последняя мысль.

Глава 2

Но я не умерла. На свое горе осталась жива и даже очнулась.

Второй раз я очнулась в еще худшей форме: голова раскалывалась, и без того отвратительное настроение приблизилось к психозу – расхотелось жить сразу же, как выяснилось, что на этот раз мы с Валеркой в комнате совершенно одни, не было даже мужика в фуфайке и куда-то подевалась муха.

Господи, что подумает Люба? Порой она бывает опасно ревнива...

И боже мой, что там за грохот? Почему мне покоя не дают? Не дают мне покоя! Вот бы встать и в худшем случае набить морду тому, кто так сильно стучит, а в лучшем и вообще его...

Утром, зараза, стучит. Да-да! Мысль хорошая, вот кому надо морду набить – да где там! Как тут набьешь? Не держат ноги. И Люба куда-то подевалась. И голова раскалывается, и в ушах гнездится боль. И, что хуже всего, мы с Валеркой в комнате опять одни, а моя подружка Люба до жути бывает ревнива, потому что Валерка кобель, а я уже незамужняя...

Боже, до чего паршивое настроение! Спать в одной комнате с кобелем... на разных кроватях... Я вообще спала на полу в салате. Откуда уж тут возьмется настроение? Конечно же оно будет паршивое.

Однако, тут же настроение мое значительно улучшилось, – в комнату влетела ватага парней, и теперь уже никто не мог сказать, что мы с Валеркой уединились.

Теперь нас в комнате было много.

Парни, не теряя времени даром, стащили Валерку с дивана и, что называется, отбуцкали его прямо на моих глазах.

Я по-прежнему лежала на полу под столом, опираясь на муху и недоумевая, зачем Люба пригласила на новоселье так много парней в камуфляжной форме? И почему я не видела их вчера за праздничным столом? Почему, дура, не развернулась?

Были и другие мысли: к примеру, я осуждала этих гостей. Всегда неприятно, когда гости начинают обижать хозяев, а мужики били Валерку нешуточно. Сильно били, но, недолго. Он едва успел проснуться и встревоженно таращил глаза. Заметив это, парни в камуфляже бросили Валерку на диван и спросили:

– А теперь поговорим?

– А разве мы еще не начали? – зевая, удивился Валерка.

Сцена эта была так традиционна для нашей страны, и диалог и действия так пошлы и затерты, что я заскучала бы, когда бы в комнату не ворвался офицер в погонах полковника и не закричал, тыча пальцем в меня, все еще лежащую под столом на полу:

– Да вот же он!

«Почему „он“?»

Я сильно изумилась: «Почему „он“? Вот как вредно пить! Неужели уже невозможно с первого взгляда определить какого рода я, умница и красавица? Неужели возникают уже такие страшные ошибки?»

Признаться, ошибка полковника очень взволновала меня и даже напугала.

Передать не могу своего ликования, когда секундой позже выяснилось, что «он» относится не ко мне, а к гранатомету, пригревшемуся в моих объятиях. Тут только заметила я, на что именно опираюсь, заметила и возрадовалась: значит я все же не «он»! «Он» – этот дурацкий гранатомет «Муха»!

Впрочем, радость моя сразу же и омрачилась, как только полковник, в ярости бледнея, задал мне вопрос:

– Зачем ты, стерва, покушалась на президента?

Эта фраза едва не сразила меня наповал, спасло лишь то, что я некоторым образом уже лежала. Это надо же! Я – стерва, да еще и покушалась на президента.

Чудовищная фраза! Хотя, если покопаться, даже в полнейшем негативе можно позитив отыскать.

«Раз „покушалась“, – подумала я, – значит президент еще жив. Уже легче.»

Парни в камуфляже, с изумлением обнаружив меня, лежащую под столом в обнимку с «Мухой», сразу же потеряли к Валерке интерес, чем он и воспользовался, мгновенно наполнив комнату таким богатырским храпом, что только завидовать оставалось его крепким нервам. Я же похвастаться

такими нервами не могла, а потому, не расставаясь с гранатометом, попыталась выбраться из-под стола с далеко идущими намерениями: страшно хотелось как можно скорей очутиться дома в своей уютной квартире. Да и полы там уже несколько дней немыты.

«Да, – решила я, – надо срочно помыть полы.»

Насколько нелепа была эта мысль я осознала уже через несколько минут, когда в наручниках тряслась в машине под неусыпным оком полковника и его приспешников.

«Что такое наша жизнь? – горестно размышляла я. – Еще недавно была счастливейшая женщина, и мне завидовала вся Москва. Сегодня же муж мой обрел свое счастье в объятиях моей лучшей подруги, а я, вместо того, чтобы упиваться внезапно свалившейся свободой, мыть полы и кружить головы мужчинам, пьяная и нечесаная, вся в салате еду на какой-то заурядный допрос. Меня, конечно же, сразу выпустят, как только разберутся, что в президента я влюблена (как большинство наших женщин), а гранатомет до этого случая видела лишь по телевизору. Конечно же меня мгновенно выпустят.

Выпустят и очень жаль. Что осталось бы от карьеры моего неверного мужа, если бы выяснилось, что он столько лет жил с террористкой? Уж я бы постаралась уронить на него тень, да кто мне поверит? Впрочем, если догадаются поговорить с моими соседями, поверят. Во всяком случае забрезжит надежда...

Ха! Надежда! Да все сомнения мигом отпадут, как только они пообщаются с моим соседями! Одной Старой Девы хватит, чтобы у любого появилась уверенность, что кроме как террористкой мне и быть-то нечем. Только здесь я и профессионал, в остальном же лишь жалкий любитель.»

Должна сказать, что в роли арестованной в машине я была не одна, а все с тем же Валеркой. Правда он выполнял свою роль весьма пассивно: его везли на носилках, поскольку поставить на ноги так и не сумели, как ни старались – Валерка, не прекращая храпеть, спал в любом положении, бить же его в присутствии полковника парни в камуфляже не решились. Поэтому Валерка теперь лежал на носилках, заглушал храпом шум двигателя и наполнял мрачный салон автомобиля послепраздничным домашним уютом.

Он был так трогателен на носилках в наручниках, что эфэсбешники смотрели на него уже без всякого подозрения – какой там гранатомет, когда человек и свой-то вес не держит. Это было очевидно без всякой специальной экспертизы.

И тем ни менее из гранатомета по кортежу президента жахнули, за что эфэсбешников по голове никак не погладят. Они явно ждали крупных неприятностей и явно связывали эти неприятности только со мной. С кем же еще, Валерка-то пребывал в абсолютнейшей беспомощности, даже на побои не реагировал. Таким образом все нехорошие эмоции моих попутчиков доставались исключительно мне, чего я (по причине своей красоты) от мужчин терпеть не привыкла, а по-

тому расстраивалась чрезвычайно, поскольку сама-то была в наручниках и ответить им достойно не могла, хотя руки сильно чесались.

Только не подумайте, что меня били. Ни в коем случае. Это я мечтала их побить, эфэсбэшники же вели себя интеллигентно, особенно если учесть только что состоявшееся покушение и головомойку, им по этому случаю предстоящую. Даже в таких, очень настраивающих на грубость условиях, эти ребята вели себя как настоящие мужчины и ограничивались лишь редкими косыми взглядами, но больше демонстрировали равнодушие.

В чем же, спросите вы, заключались тогда их плохие эмоции? Именно в этом и заключались, отвечу я. Что может быть хуже косых взглядов от таких красавцев? О равнодушии уже и не говорю, любая женщина знает как невыносимо оно, особенно тогда, когда равнодушие это исходит от молодых и приятных мужчин. Уж чего только я не делала, чтобы равнодушие избежать: и пела, и орала, и ногами топала, и оскорблять их пробовала, и требовала к барьеру – все бесполезно. Даже полковник, сгоряча назвавший меня стервой, уже взял себя в руки и не реагировал.

Я смирилась, подумав: «Надеюсь, хоть опохмелиться-то перед допросом дадут? Допрашивать похмельного человека без всякой анестезии жестоко. Пусть после этого не говорят мне, что там нет пыток.»

Куда нас с Валеркой доставили, до сих пор не ведаю – окон

в автомобиле не было. Валерку сразу же унесли, а меня определили в камеру.

Каталажка досталась вполне сносная, и просидела я там недолго: едва от салата отмыться успела, как потребовали меня к уже знакомому полковнику. Тут же выяснилось, что он даром времени не терял и многое уже разведal, даже имя мое узнал.

– Присаживайтесь, Софья Адамовна, – пригласил полковник, кивнув на кресло.

Я присела, готовая храбро отрицать все, но как только взглянула в его глаза, так сразу какие-то глупости и залепетала.

«Как тяжело, когда на тебя смотрят с таким вот безапелляционным подозрением, – подумала я. – Уже и сама сомневаться начинаю, не я ли сдуру пальнула в президента, руки мне некому поотбивать!»

Впрочем, я тут же решила, что сомнения мои связаны исключительно с похмельным состоянием, способным вселить неуверенность даже в самого черта, а потому заявила:

– Не подумайте, что я алкоголичка, но стаканчик хорошего винца вернул бы меня к жизни, после чего наша беседа приобрела бы смысл. Только боже вас упаси сделать вывод, что я склонна. Повторяю: я не алкоголичка.

– Никак нет, – ответил полковник, доставая из стола заранее приготовленный, стоящий на блюдечке стакан, рискованно наполненный до самых краев, – ни в коем случае я так не думаю, потому что точно знаю: вы равнодушны к спирт-

ному.

Его заявление меня ошеломило.

– Вы точно знаете, что я равнодушна к спиртному? – переспросила я.

Он кивнул:

– Точно.

– А вот я, видимо, об этом знаю не всегда, иначе не пила бы вчера так много, – со вздохом ответила я и залпом осушила стакан. – Или ваши сведения устарели, – добавила я, вытирая губы. – С тех пор успела пристраститься. Вот что вам скажу: еще пару таких новоселий, и я конченный алкоголик.

Пока я разглагольствовала, вино делало свое дело: пропитывало меня уже столь необходимым моему организму теплом, пропитывало, пропитывало и пропитало. Вино было так себе: не «Беерауслезе» и не «Айсвайн», но на душе сразу как-то порозовело; тут же вспомнилось, что я уже несколько дней как женщина одинокая. И полковник уже не казался таким противным.

«Да он милашка, – подумала я, – настоящий милашка. Ишь какие у него синенькие глазки. Ангел! Чистый ангел! Жаль, теперь будут у него неприятности. И жаль, что я ничем не смогу ему помочь.»

Полковник заметил, что я воспряла и приступил к допросу.

– Софья Адамовна, – сказал он, почему-то кивая на пу-

стой стакан, – зачем вы это сделали?

Я опешила:

– Как – зачем? Чтобы почувствовать себя человеком!

Полковник не стал скрывать своего изумления и воскликнул:

– Да неужели нет для этого других способов? Особенно для такой милой и красивой дамы как вы, умной и народом любимой.

Должна сказать, что он смотрел на меня ласково, как на покойника.

– Есть и другие способы, – ответила я, настраиваясь на приятную беседу, – но выбрала этот, как самый оптимальный и доступный.

Полковник еще больше изумился:

– Вы считаете этот способ самым доступным?

Я поймала себя на мысли, что мне приятно его изумлять, с этим чувством и дала ответ.

– В данный период моей странной жизни – да, – ответила я, и полковник схватился за голову.

– Бедная женщина! – завопил он. – Вы так запросто мне в этом признаетесь?

– А почему бы и нет? Что в этом такого? Я не совершила ничего исключительного, ничего такого, чего не сумел бы любой.

– Вы полагаете, любой решился бы на такой безрассудный поступок? – окончательно изумился полковник.

– Да что же здесь безрассудного? – начала уже изумляться и я. – Всего лишь стакан вина для поправки здоровья. Боюсь, все безрассудное я совершила вчера.

Когда бы не так, так и говорить было бы не о чем.

Бедный полковник так странно себя повел, что я струхнула. Кто его знает, работа у него тяжелая, не у каждого нервы выдержат, неровен час тронется умом, если еще не тронулся. Боюсь, трогается прямо на моих глазах.

Примерно то же, вероятно, он подумал и обо мне. Подумал и спросил:

– Софья Адамовна, официальной информации об этом нет, но скажите прямо: вы никогда не обращались к психиатру?

– Да с чего бы это? – рассердилась я. – Что навело вас на такую дикую мысль?

– Да ваши странные рассуждения. Какое отношение имеет стакан вина к покушению на президента?

– Абсолютно никакого, – заверила я.

– А что же безрассудное вы совершили вчера?

– Напилась вдрабадан, – с необъяснимым оптимизмом сообщила я.

– И все? – опешил он.

– А вам этого мало?

Полковник без всякой видимой причины вдруг вышел из себя, покраснел, хлопнул по столу кулаком, да как закричит:

– Так что же вы мне голову морочите?!

«Сейчас начнут бить!» – подумала я.

Глава 3

«Сейчас начнут бить!» – подумала я.

Мое хорошее настроение как ветром сдуло.

– Если вам голову и морочу, то не по своей воле! – зарыдала я и, заливаясь слезами, напомнила: – До сих пор под столом лежала бы.

Увидев мои слезы, он смягчился и почти ласково сказал:

– Софья Адамовна, прошу вас успокоиться и сосредоточенно отвечать на мои вопросы.

– Будто не этим занималась до тех пор, пока вы не начали на меня кричать, – ответила я и подумала: «А ласка его преступна и необъяснима. Он же на службе у президента, на которого покушалась якобы я, террористка.»

Уж не знаю какой я там писатель – инженер или не инженер человеческих душ – но любого собеседника вижу насквозь, потому и дожила до зрелых лет, сохранив ум ребенка. Может и не открою секрета, но скажу: в то время пока взрослые думают, что успешно обманывают своих детей, их дети успешно обманывают этих взрослых, и именно потому, что видят их насквозь. Что касается полковника, то я ясно видела, что нет на свете той силы, которая смогла бы его убедить, что в президента из гранатомета жажнула не я.

– Вот, Софья Адамовна, почитайте, – и он протянул мне приличную стопку бумаг.

Признаюсь: читать настолько не люблю, что порой сомневаюсь, умею ли вообще читать. Писать – пожалуйста, это вам сколько хотите, но чтобы читать – нет уж, увольте.

– Нет уж, увольте, – воскликнула я, шарахаясь от его стопки. – Не умею читать!

Полковник растерялся.

– Но вы же каким-то образом писатель, – напомнил он.

Меня поразила его наивность. Будто не в одно время живем. Будто современный писатель пишет так, что его можно заподозрить в грамотности. Потому современный писатель так и пишет, что своих книг не читает, просто не успевает порой, а тот, кто их читает, не знает где этого писателя найти, чтобы рассказать ему все, что он о нем...

Впрочем, я дала себе клятву неприличных слов не употреблять, поэтому вернемся лучше к полковнику.

– Софья Адамовна, у вас высшее образование и не одно, – рявкнул он, – так что прекратите ерничать и давайте работать!

– Ха, работать! Да если бы я хотела с вами работать, то сразу бы и пошла в КГБ, еще тогда, в детстве, когда вы мне предлагали. Да если бы я вообще хотела работать, то и работала бы себе, а не книжки писала... Впрочем, давайте, так и быть прочту, – сжалившись над полковником заключила я – бедняга уже покрылся испариной и красной рябью какой-то странной пошел. – Давайте вашу стопку. Ради вас прочту. И прочла.

Кошмар!

Ужас!

Мне срочно понадобился второй стакан вина, потому что это была моя биография. Я-то считала, что жизнь удалась и даже кое-какими местами собой гордилась, а тут вдруг читаю про бездарно потраченное время, лаконично уложенное в тонкую стопку страниц и названное моим бытием...

Господи, неужели это все мое?!

Ужас!

Иначе и не скажешь.

Я с трудом дочитала до конца и вопросительно посмотрела на полковника:

– Ну? И что из этого следует? На что вы этим намекаете? – я гневно потрясла прочитанными страницами.

– Лично я рассматриваю эту биографию как второе доказательство вашей причастности к покушению на президента, – скорбно сообщил он мне.

Скорби его я не разделила, вместо этого возразила самым решительным образом.

– Какое второе доказательство? – возмутилась я. – У вас и первого-то нет! О моей же причастности к покушению на президента и вовсе говорить смешно. Я под столом в обед-ках салата лежала когда в него тот, в фуфайке, из гранатомета целился. Кстати, дрянь салат. Люблю свою Любку, но за некоторые дела поотбивать бы ей руки.

– За какие дела? – неожиданно заинтересовался полков-

ник.

Польщенная, я сообщила:

– Да не так уж и много этих дел. Первое дело: зачем так много детей нарожала Любка? Вот за что руки не стыдно поотбивать! Разве может получиться шедевр, да что там шедевр, хоть что-нибудь приличное, когда штампуешь в таком количестве? Это уже ремесло какое-то, серийное производство, честное слово. Уж лучше мастерски произвести на свет одного, как это сделали мои родители. Так сделала и я: написала парочку книг и теперь всем хвастаю, что писатель. Любка же ни в чем удержу не знает. Боже, даже сосчитать невозможно, сколько у нее детей. Старшая Олеся, потом идет... Нет! Я и по имени-то их всех не упомяну, она же воспитание им как-то дает. Поразительно! И никакой помощи от государства! Президент наш черт-те кому награды и денежные премии раздает, только не моей Любе. Попробовал бы сам хоть раз родить, так может понял бы почему его народ убывает...

Полковник, заметно нервничая, мою речь прервал:

– Софья Адамовна, давайте ко второму делу перейдем.

– Давайте, – согласилась я и тут же перешла к салату. – Никогда не умела делать салатов Любка. Вот за что руки нужно поотбивать! Еще бабушка моя, покойная Анна Адамовна, говорила, попробовав однажды коварно подсунутый Любкой салат. «Милочка, – ей попеняла она, – но это уже кто-то до меня ел.»

На мой взгляд, сказано блестяще, но полковник почему-то разочарованно вздохнул и занервничал пуще прежнего.

– К салату мы вернемся чуть позже, – прерывая меня, заверил он, – теперь же давайте поговорим о вашей биографии. Уж очень занимательна она.

– Занимательна? – удивилась я. – Да чем же?

– Биография типичной террористки.

– Господи! – горестно завопила я. – Слышал бы мой муж! Как бы он с вами согласился!

– Кстати, где он сейчас? – заинтересовался полковник. – Дома его не оказалось.

Передать не могу в какое я пришла изумление: думала – там знают все. Нет, я слышала, что спецслужбы от хронического безденежья в очень плачевном состоянии, но не подозревала что положение их так плохо. Если они не в курсе где мой Евгений, хотя об этом судачат все мои друзья (а их без труда наберется четверть Москвы), то что же говорить об Америке? Что эти спецслужбы могут узнать о ней?

Плохо! Плохо мы платим налоги! Да и мало нас, в чем сами же и виноваты. Пора повернуться лицом друг к другу, пора уже задуматься о будущем нашего многострадального государства, как это сделал муж Любы. Давно пора, тем более, что враг не дремлет, а кто враг – знают все. Это знают уже и в Европе.

Конечно же мне тут же захотелось развернуть талантливую (иначе я не могу) дискуссию на очень политическую те-

му, но взглянув на полковника, вынуждена была ограничиться примитивным ответом:

– Мой муж у моей подруги.

Полковник сразу удивил меня новым вопросом:

– Что он там делает?

– Уж вы немаленький, – рассердилась я, – могли бы догадаться и глупостей не спрашивать, не бередить раны у бедной покинутой женщины.

– Простите, – смутился полковник, – не знал, что вы расстались.

– Расстались? – рассвирепела я. – Расстались, это когда по обоюдному согласию, оба в разные стороны, а когда один остается один, то есть одна, а другой...

Я уронила голову на стол и залилась такими горькими слезами, каких и сама от себя не ожидала, тем более по такой ничтожной причине как уход мужа.

Полковник, явно испытывая неловкость, бросился меня успокаивать.

– Софья Адамовна, это не самая большая беда, – тяжело вздыхая, приговаривал он. – В сравнении с тем, что вам предстоит, это даже пустяк. Это даже счастье, что ваш муж вовремя ушел...

Я рыдала и не улавливала смысла его речей, когда же уловила, слезы будто корова слизала языком. Я уставилась на полковника и спросила:

– А что мне предстоит?

Он, похоже, даже обрадовался и воскликнул:

– Да-да, давайте вернемся к работе. Скажите, пожалуйста, где вы взяли гранатомет?

Я задумалась: а и в самом деле, где я его взяла? Ведь под столом лежала без гранатомета, хоть и в салате. Однако, когда полковник явился, я этот чертов гранатомет уже держала в руках, точнее, опиралась на него. Вот до чего доводит пьянство.

Ну? И как я буду теперь выкручиваться?

А почему, собственно, я должна выкручиваться? В нашей стране презумпция невиновности, следовательно тот факт, что я в президента не стреляла, будет признан юридически достоверным до тех пор, пока не будет доказано обратное.

– Чем вы докажете, что из гранатомета стреляла именно я? Боюсь, найденный в моих руках гранатомет, не является доказательством.

– Если верить биографии, вы прекрасно умеете стрелять, – торжествуя, сообщил полковник.

– Но не из гранатомета. Меня учили стрелять из пистолета. Да, из пистолета я прекрасно умею стрелять, но если это доказательство, тогда арестуйте всех совершеннолетних мужчин нашей страны, а так же все взрослое население Израиля и всю (без исключений) Чечню. В Чечне стрелять умеют уже и младенцы. Почему бы не научиться, раз хорошо платят, а платят действительно неплохо.

– Кто?

– Наши враги, разумеется, кто же еще?

Едва я ляпнула такое, как у полковника на лоб полезли глаза.

– Сколько вам заплатили? – рявкнул он.

Я запаниковала. Господи, ну кто меня тянул за язык? Почему бы не помолчать?

– Кто?! – еще громче прогремел полковник и для убедительности хватил кулаком по столу.

Я даже подпрыгнула, старательно демонстрируя пугливость и кротость, мол какой уж там гранатомет – собственной тени шугаюсь. Однако полковник не склонен был поддаваться моей пассивной обработке. Он уже имел свое четкое мнение, с которым расставаться не привык.

– Кто вам заплатил? – устрашающе гремел он.

Я бросила разыгрывать из себя пугливую серну и завопила похлеще самого полковника:

– Как вы могли подумать про меня такое?! Я неподкупна! Сама кого хотите подкуплю!

– Ага! – обрадовался он. – Значит вы из идейных соображений!

– Конечно из идейных, – начала было я, потому что с детства любила блеснуть идейностью, но тут вдруг осознала, что на сей раз идейность может сильно навредить и сразу же поменяла пластинку: – Вы с ума сошли! Нет у меня соображений!

– Как нет? – опешил полковник.

– А вот так! Нет соображений вообще, и идейных в частности. Без всяких соображений живу, так, тяну лямку по привычке. И не пойму, что вас столь сильно удивляет. Так живет любой. Можно подумать вы не так живете. И мой вам совет: даром время не тратьте, а лучше бегите искать мужика.

Полковник удивился:

– Какого мужика? Второй раз вы говорите про какого-то мужика.

– Вот именно, – обиделась я, – второй раз говорю, а вы и внимания не обращаете. Мужик в фуфайке. Это же он целился в президента из Любкиного окна, когда я под столом в салате лежала.

И тут меня осенило: бог ты мой! Это же я президента спасла! Я!!! Если бы не я, уж мужик не промахнулся бы. Уж не для этого он гранатомет в Любкин дом приволок, чтобы промахиваться налево и направо.

Я тут же поделилась своими соображениями с полковником, выдвинув предположение, что теперь, возможно, президент захочет меня каким-нибудь орденом наградить.

– Так что вы со мной поосторожней, – посоветовала я.

Но он не внял совету.

– Вы мне зубы не заговаривайте, постороннему в дом не проскочить, – заявил он. – Если мужик в фуфайке был, то куда же он делся?

– Этого сказать не могу, – призналась я. – Может скрылся

в соседней квартире. Может он там живет.

– В соседней квартире живет парализованный, – просветил меня полковник.

– Он что, не может ходить?

– Может, но только под себя. Он очень парализованный, а тут из гранатомета стрелять! Намертво человек прикован к постели.

Об этом я знала и сама, даже видела пару раз несчастного, даже ему посочувствовала, а потому вынуждена была предположить:

– Значит мужик в фуфайке из другой соседней квартиры.

– В другой соседней квартире живет женщина.

– Ну и что? Что мешает женщине укрыть в своей квартире мужика в фуфайке?

– То и мешает, что она на них не переносит никаких мужчин. Она старая дева.

Вот этого не знала.

– Надо же! – обрадовалась я. – Теперь у Любки будет своя Старая Дева. Вот когда моя Люба насладится по-настоящему «милым» общением. Так ей и надо. Будет знать, как мою Старую Деву защищать.

Я бы с удовольствием и дальше развивала эту тему, но, наткнувшись на грозный взгляд полковника, вынуждена была вернуться к мужику в фуфайке.

– А вы уверены, что старая дева не приютила того мужика? – спросила я. – Боюсь, вы неправильное представление

имеете об этих самых старых девах. Они в девах остались вовсе не потому, что пожизненно испытывают отвращение к мужчинам, а вовсе наоборот: это мужчины пожизненно испытывают отвращение к тем, из которых и получают эти самые старые девы. Если брать мою Старую Деву (я о своей соседке)...

Боже, сколько я здесь имела сказать! И сказала бы, но не дал полковник – как много он потерял.

– Старую деву оставьте в покое, – сказал он. – Мы тщательно осмотрели у нее каждый сантиметр. Мужиками там и не пахнет.

– Тогда остается последняя квартира, – заключила я. – На сколько помню, на лестничной площадке было четыре двери.

– Да, – согласился полковник, – но в четвертой квартире живет ваш покорный слуга.

– Вы?!

– Совершенно да.

Это был удар, но я не сдалась и героически предположила:

– Значит мужик в фуфайке убежал на другой этаж.

– Мы обыскали весь дом и не нашли посторонних. Из дома никто не мог убежать. Здесь я дам любые гарантии.

Услышанное озадачило меня, уже было собралась задуматься, да полковник не позволил: опять как завопит:

– Признавайтесь, где взяли гранатомет?!

Я подпрыгнула уже нешутейно – так и заикой случиться немудрено. Сильно испугалась, рассердилась, даже озлоби-

лась и закричала.

– Тьфу на вас! – завопила я. – Разве можно так внезапно реветь? Так недолго стать и припадочной. И сколько можно признаваться? Призналась уже: гранатомет мне подложил тот мужик. Он целился, я увидела и прыгнула на него. Своей жизнью, между прочим, рисковала. Только поэтому мужик и промахнулся.

Полковник смотрел на меня без всякой веры, но все же успокоился и спросил:

– И что было дальше?

– Бабахнуло. Дальше не помню ничего. Скорей всего он дал мне по голове, если я раньше чувств не лишилась. Обычно так и случается, сначала лишаюсь чувств, а потом уже получаю по голове. Да, думаю было именно так. В общем, дал по голове, сунул гранатомет в мои руки и сбежал, подлец.

Полковник снова начал выходить из берегов.

– Куда?! Куда сбежал?! И вверху и внизу охрана, – завопил он.

Я пожала плечами:

– Ну уж не знаю. Не могу же я за вас работу выполнять. Это уж вы сами догадывайтесь, куда он, злодей, сбежал.

– Вот мы и догадались, – обрадовал меня полковник. – Из гранатомета стреляли вы.

– Я?!

– Больше никому.

Глава 4

Ха! На президента покушалась я!

Я!!!

И почему я?

Только потому, что больше некому?! Мало ли ЧТО больше некому сделать в нашей стране, так и то, выходит, все сделала я! Только Я! Одна Я!!!

Чепуха! Чушь! Андроны едут!

Но с другой стороны полковник с такой уверенностью глупость свою сообщил, что мне сделалось дурно. Даже принялась память свою ворошить: кто знает, может по пьяни и в самом деле черт попутал?

Да нет же. На новоселье я трезвая пришла, и никакого гранатомета со мной не было. Значит не приснился мне тот мужик в фуфайке. Теперь я даже вспомнила, что он в черной вязанной шапочке был.

– Понимаю, – воскликнула я, – легче всего обвинить беззащитную женщину! Гораздо легче, чем найти сбежавшего преступника. Только вынуждена вас сразу огорчить: хоть убейте меня, на своем стоять буду: стреляла не я, а мужик. Зараза взял и растворился. Очень быстро, а я за него страдай.

Полковник почему-то снова вскипел.

– Да где же он? Где этот ваш быстрорастворимый мужик?

В чем он растворился? В нашем доме каждый мужчина на учете. Я лично с каждым знаком и могу поручиться: никто из жильцов не стрелял. Проверены все квартиры: посторонних в доме не было. Кроме вас, – добавил он и устало попросил:

– Софья Адамовна, давайте лучше по-доброму признавайтесь. Обещаю, добровольное признание вам зачтут.

Я растерялась. Зачтут? Что они мне тут зачтут? И в чем я должна признаваться?

Короче, ураганно нарастал гнев, а в злобе я страшна: сама, порой, пугаюсь. Пришлось брать себя в руки. Было сложно, но я взяла.

– Послушайте, – начала я терпеливо уговаривать полковника, – вы ведете себя неразумно. Даже странно, что так вцепились в меня. Задумайтесь, это же по-ку-ше-ние! Целое покусение, да еще на кого! На целого президента! Я же совершенно негодный для такого ответственного дела человек. Да ни для какого дела я человек негодный. Неужели вы не могли найти кого-нибудь более подходящего на эту роль?

– Кого?! – заорал полковник.

К тому времени он, в отличие от меня, уже очень плохо себя в руках держал, да просто был не в себе – будто не мне, а ему пожизненное светило.

– Кого я могу найти?! – гремел он. – Русским языком вам говорю: в доме охрана, мимо которой не проскочит и мышь. Вы же не зря завалились под стол: пальнули из гранатомета, а через три минуты мои ребята уже дверь квартиры выламы-

вали. Уже одно то, что вы лежали под столом, говорит не в вашу пользу.

«Еще бы, – подумала я, – лежание под столом не в пользу любому человеку, тем более женщине.»

Я так подумала, но промолчала, полковник же, пользуясь этим, вдохновенно продолжил:

– К покушению вы готовились два месяца.

Тут уж не выдержала я и закричала:

– Два месяца, как дура, помогала Любке обустраиваться: шила шторы и прочее. Бог свидетель – меня губит доброта. Любка, видите ли, любит детей, а я теперь расплачивайся за ее плодовитость.

– При чем здесь дети? – опешил полковник.

– Да при том, что Марусе или Тамарке я никогда не стала бы шторы шить; сами обойдутся, а Любка многодетная, ее все жалеют, и я туда же, а теперь вот она, расплата. Я ей шторы, а она мне гранатомет! Кстати, если вы подозреваете меня, так может скажете, как смогла я в набитый охраной дом пронести гранатомет? Это же нонсенс!

– По частям. Для этого вы и шили шторы, а сами по частям проносили гранатомет.

Вспомнив, как в дом заносился шкаф, в который никто и носа не сунул, я рассмеялась:

– Стала бы я проносить гранатомет по частям, когда бог подарил мне такой невообразимый ум.

– Про ум ваш вы очень невовремя, – попытался перебить

меня полковник, но я уже была в ударе.

– Еще как вовремя! – с пафосом воскликнула я. – С помощью этого ума уж нашла бы как и что пронести, тем более (полезно вам знать) в квартире Любки вряд ли можно гранатомет собрать. Вы не знаете мою Любку. Фиг бы она дала собирать гранатомет. Не смешите. Любого, кто попадает в ее орбиту, Любка сразу же пристраивает к делу, а тут вдруг я сижу себе и бездельничаю: собираю гранатомет, который детям Любки никак не может быть полезен.

Я подумала и добавила:

– Пока они маленькие. Потом-то, скорей всего, когда они осознают в каком живут мире, гранатомет им очень даже пригодиться, но речь-то идет о настоящем времени.

– Послушайте, – снова попытался перебить меня полковник.

Это просто возмутительно – кого они в спецслужбы берут? Никакого воспитания.

– Нет уж, это вы теперь послушайте, раз рискнули обвинения мне странные выдвигать. Гранатомет, видите ли, я по частям занесла. И если уж заговорили вы о гранатомете, то прямо скажу: в Любкиной квартире его даже спрятать негде.

– Послушайте...

– Да что там слушать! Эти Любкины отпрыски, эти, простите за выражение, дети, они же хуже варваров: с утра до вечера обыскивают гостей, ищут «Сникерсы». Нет, спрятать в Любкиной квартире гранатомет, это нереально, – заключи-

ла я и добровольно замолчала.

Полковник обрадовался и открыл было рот, но тут же был мною перебит – новая мысль пришла в мою голову.

– Если, конечно, не предположить, что из гранатомета стреляла сама Любка, за что лично я ее никак не осудила бы. Дюжина детей! От такой жизни сподвигнешься еще и не на то, но Любки в комнате не было, зато я ясно видела кто стрелял – мужик в фуфайке. Кстати, что б вы знали, на нем еще черная шапочка с прорезями для глаз была. Может то меня и спасло, что я лица злодея не видела.

На мой взгляд, вполне рассудительная получилась речь, но полковника она просто взбесила. Бедняга пошел красными пятнами, выскочил из-за стола и... сделав пару кругов по кабинету, так и не тронув меня, уселся на место.

– Прекратите строить из себя дурочку! – удивительно то-
неньким голоском взвизгнул он и снова хватил по столу ку-
лаком.

Ну как тут и мне не возмутиться?

– А я и не строю, я вполне искренна.

– Молча-ать! – рявкнул полковник, на что у меня (ясное дело) появилась не одна тысяча слов, но, увы, дверь кабинета распахнулась, и на пороге показался мужчина в штатском.

Все в нем было мило: дорогой костюм соперничал с приятной наружностью и манерами, что со всех сторон чрезвычайно радовало глаз, но, к сожалению, радость свою не смогла обнаружить – вынуждена была потупиться, демонстрируя

кротость.

– Что здесь за крик? – с достоинством поинтересовался мужчина.

Я подумала: «Ах, какой важный, какой спокойный, какой волнующий у него голос.»

Подумала и опустила голову еще ниже, для пущей убедительности капнув слезами пару раз, мол вот, посмотрите как тут на меня, знаменитость, кричат.

Мужчина в штатском (от его глаз не скрылась моя слеза) строго уставился на полковника.

– Совершенно невозможно вести допрос, – искренне пожаловался тот. – Эта дама хуже сатаны. Измотала меня так, как и стаду диких кабанов не под силу.

– Как вы можете? – рассердился мой защитник. – Софья Адамовна очень милая женщина. Она и мухи не обидит.

– Но задолбёт эту муху так, что та сама на нее накинется, – бесстрашно возразил полковник.

Думаю, я действительно его достала, раз он бросается на свое начальство почище той мухи.

«Кстати о мухах,» – подумала я и обратилась к мужчине в штатском.

– Представляете, меня обвиняют в том, что я стреляла из «Мухи», – робко поведала я.

Мужчина в штатском огорчился и ласково попросил:

– Софья Адамовна, потерпите еще немного и постарайтесь максимально нам помочь. Я же со своей стороны поста-

раюсь в ближайшие дни избавить вас от неприятного собеседника.

Он выразительно посмотрел на полковника и покинул кабинет.

Я остолбенела: «В ближайшие дни? Не хочет ли он сказать, что дней этих будет много? Невероятно!»

Полковник, вот молодчина, пока я страдала, окончательно взял себя в руки и со всею вежливостью ко мне обратился:

– Софья Адамовна, продолжим беседу.

– Продолжим, – сомнамбулически откликнулась я, не выходя из транса.

– Софья Адамовна, очень прошу, сосредоточьтесь. Постарайтесь не касаться ничего, кроме гранатомета и покушения на президента.

Грустить долго не могу, так уж устроена.

«Черт с ними, – подумала я, – буду жить здесь. Они же живут, и им это нравится. И я привыкну. Да и не так здесь плохо, раз имеются такие приятные мужчины, как тот в штатском. Ах, какой у него голос...»

– Софья Адамовна, – тем временем не отставал от меня полковник, – со всем уважением вас прошу, давайте продолжим разговор, но только о самом главном будем поминать.

Я кивнула, давая понять, что приветствую хороший тон, и сказала:

– Понимаю, вы хотите сократить нашу беседу, но темы заданы уж слишком плодородные – об одном гранатомете могу

часами рассказывать, не говоря уже о президенте. Вот некоторые, к примеру, считают, что президент наш недостаточно хорош. Как правило это те, которые на себя давно в зеркало глядели, я же в зеркало каждый день смотрюсь и...

Громкий хлопок по столу оборвал мою речь. Вместе с хлопком раздался и выразительный...

Впрочем, не стоит об этом. Клялась же себе не употреблять плохих слов. Впрочем, я и не употребляю, чего нельзя сказать о полковнике – как он меня обозвал!

Боже, как он меня обозвал! И всех! И весь мир! И начальство! Правда, не совсем поняла чье: его или мое? Но обозвал крепко.

Скромная сидела и только дивилась: «И это человек в погонах! А я, между прочим, люблю военных...»

Конечно же расстроилась, слезы навернулись на глаза, застучало в висках. Спрашивается, зачем мне все это нужно? Лежала бы себе под столом...

Полковник снова взял себя в руки, устыдился даже своего поведения.

– Софья Адамовна, простите, – смущенно хмурясь, буркнул он. – Сам не знаю, как так получается.

В этом месте его голос снова начал набирать силу и высоту, зазвучали сварливые нотки.

– И до этого мне приходилось подозреваемых допрашивать, но чтобы вот так вот – впервые, – пробубнил он уже совсем бранчливо. – Топчемся на одном месте как ч-черт знает

кто! А все вы! Куда вас все время уводит?

Мне стало его жалко.

– Согласна, – ответила я. – Хоть допрашиваюсь и не впервые, но опыта никакого. А раз надлежащего опыта нет, так и спросу никакого, потому и съезжаю все время на частности. Но с другой стороны, нам и говорить-то не о чем. Я пришла на новоселье, гуляли всей компанией, очнулась на полу. Кстати, почему вы меня одну подозреваете?

– Потому что гранатомет в руках держали вы одна, а муж вашей подруги выпил столько, что только восьмым чудом света можно назвать тот факт, что он до сих пор жив.

В этом месте я страшно пожалела, что не выпила столько же.

– А не мог тот мужик в фуфайке проскочить на крышу и по ней уйти через другой дом? – спросила я, вспоминая, что сама так неоднократно делала, слава богу, по другому поводу.

Полковник меня огорчил:

– Нет, не мог. Этажом выше располагалась охрана, этажом ниже тоже. Ваш мужик никуда уйти не мог.

– Значит он и по сей момент в доме! – радостно заключила я. – Ищите среди жильцов. Только не говорите, что вы их хорошо знаете.

– Послушайте...

– Людям свойственно заблуждаться. К тому же покушались на самого президента, следовательно сумма предложе-

на была внушительная. За такую сумму и сама бы...

Глянула на полковника и испуганно поспешила заверить:

– Но мне никто не предлагал. К тому же, с тех пор как Люба получила наследство, мне было не до президента – шторы шила.

– Послушайте...

– Шторки, скатерочки, занавесочки! Кошмар! Тем более, что я шить не умею. Я так перетрудилась, потому и напилась. Только представьте, пока я шила, мой муж... Впрочем, не будем о неприличном. Ах, он негодяй! А потом и вовсе меня бросил. И теперь вы хотите усилить мое горе? Нет уж, ищите в самом доме. Мужик в фуфайке там.

Бедный полковник снова хватил по столу кулаком и завопил:

– Да послушайте, черт вас побери!

Я испуганно зажала уши и закричала:

– Я контужена, но вас слушаю! Слушаю!

– Вот и слушайте, – тяжело дыша, сказал он. – Слушайте. Стреляли из квартиры вашей подруги.

– Я знаю.

– Из окна комнаты, в которой вас нашли.

– Да знаю я, знаю, видела своими глазами. Зачем вы мне это рассказываете?

Полковник схватился за голову:

– Да за тем, чтобы до вас наконец дошло: отпираться глупо и бесполезно. Мои ребята ворвались в квартиру через четы-

ре минуты – минута ушла на то, чтобы выбить дверь. Этажом выше и этажом ниже была охрана. Ваш мужик что, невидимка?

Я растерялась:

– Он в фуфайке был.

– Тем более, – грустно усмехнулся полковник. – Еще вам скажу: уже готовы результаты экспертизы. Ни у кого из жильцов на поверхности кожи оружейных выхлопов не найдено. Все чисты, как стеклышко.

– Понятно, – проямлила я, – меня-то засыпало с головы до ног сразу же, как тот, в фуфайке, жажнул из «Мухи». Всю комнату можно на экспертизу тащить, думаю хорошо припошло.

– Рад, что хоть это вы понимаете. Софья Адамовна, давайте подытожим: посторонняя в доме вы одна, нашли вас в той комнате, из которой было совершено покушение, в руках у вас был гранатомет, на этаже мужчины в фуфайке не обнаружено. Что из этого следует?

– Что вы плохо искали.

Он грустно покачал головой:

– Нет. Из этого следует, что хватит глупенькой прикидываться. На президента покушались вы – больше некому. Сейчас вас отведут в камеру, где вы хорошенько и подумаете, а после этого мы с вами поговорим. И помните, чем раньше мы приступим к серьезному разговору, тем лучше будет для вас.

Глава 5

Пирушка

Деревянный минка, двухэтажный, крытый соломой, спрятал друзей от нескромных взоров. Хозяин – гнусный продавец девочек – встретил молодых господ, непрерывно кланяясь.

– Минеральные воды для ванн... – безглаголиво отводя взгляд, бросил Абэ Кусоноки.

– Да, господин, привезли, – торопливо прошелестел хозяин, не смея распрямиться. – Все готово. Уже подогрели. Раскалили камни. Бочонок саке доставлен. И сосновые кадушки для питья... Лучшие девочки одеты в лучшие кимоно. Молодая красавица-гейся Итумэ приняла предложение несравненного господина Сумитомо. Она здесь...

Торговец удовольствиями гнусно осклабился.

– Прикажи наполнять ванны и вели женщинам наливать саке, – распорядился Абэ.

– Да, господин, – непрерывно кланяясь и пятясь, прошептал хозяин.

Закипела пирушка.

Приятная истома.

Спокойная беседа.

Молодые самураи, младшие сыновья прославленных родов согревались минеральными ваннами, освежались саке, охлажденным в ручье.

Бочонок лучшего вина, из провинции Хиого, припасли и открыли, соблюдая традиции.

Пили, как подобает истинным буси, квадратными кадушками, по началу лишь ощущая чудный смолистый вкус сосновой живицы, привнесенный посудой.

Увлекательное занятие! Веселое!

Девочка-дзёро не успевала наполнять кадушки. Даже не склонный к излишествам Сумитомо, под конец выкрикнул:

– Кампай!

Пей до дна!

Хейдзо Кадзивара, мечтательный и лиричный, воскликнул:

– Не хватает природы! Как украсила бы все природа! Чудно впитать в себя из воды горячих ключей живительную силу гор, полюбоваться величественными их силуэтами! Воплотить мечту: согретым водой ключей, созерцать в своем саке, упавший туда с божественной сакуры лепесток.

– О-о! – воскликнул реалистичный Кусоноки, – ушло время сакуры. Завтра праздник мальвы. Не забыл? Отсюда неудобства. К женщинам, вот, пришли в полном боевом снаряжении.

– Великая честь охранять божественного Микадо! Запом-

ниться на всю жизнь! – воскликнул Хейдзо.

Энья кивнул:

– Как забыть? Высокая честь. Великий день.

«Саке, горячая ванна – живительные процедуры. И впереди ночь любви. Целая ночь неторопливой беседы.

О, несравненная Итумэ!

Взгляды, прикосновения... А утром... Утром Аой Мацури предстанет божественно прекрасным. К тому же сам Микадо... И наследник... В свите, конечно, почетнее, но... Ерунда!» – думал Сумитомо, ощущая в душе необычайно радостный подъем, почти не чувствуя ослабевшего тела.

Лишь колола обида. Идти со стражей, так далеко от императорских колесниц, – не для Фудзивара, потомка славного рода. Но...

Тяжелое смертельное опьянение навалилось внезапно. Все опрокинулось, ухнуло куда-то, вращаясь во мгле вселенского хаоса. Время остановилось.

* * *

Сумитомо вынырнул на миг из сумрака, затмившего сознание. Повел бессмысленным взглядом.

Нет мыслей.

Нет воли.

Все нереально.

«Мускулистая спина... Воин... Ловко прилаживает на се-

бя сложные ёрои... Что-то знакомое... Знакомая экипировка... Мечи в красном сафьяне... Пластины... Узор брони... Все так знакомо... Почему?»

Вдруг вспомнился мастер Кендо, сенсей Хосокава, его урок: «Когда противник совершает нападение, а твои глаза ловят движение его меча и пытаются следовать за ним, ты теряешь самообладание и терпишь поражение, потому что сам приводишь к себе меч врага – это „остановка“. Когда же ты видишь меч, собирающийся поразить тебя, но не позволяешь своему уму „останавливаться“ на этом, не контактируешь с противником, не строишь планы, а просто воспринимаешь движения противника, продолжаешь двигаться навстречу противнику и, используя его атаку, обращаешь ее против него самого – это победа. Тогда его меч, несший смерть тебе, станет твоим мечом и обрушится на самого противника. Никогда не думай о себе, думай о деле.»

«Я не должен думать о себе, – ясно решил Сумитомо, вспомнив этот урок, – я должен думать только о деле, и тогда в этом деле буду и я.» И мысли угасли.

Погас и взгляд. Смог еще заметить Сумитомо чьи-то доспехи, брошенные у бамбуковой ширмы, полураздетую дзёро, уснувшую на полу, метнувшийся к выходу силуэт воина в знакомых доспехах.

«Где же Итумэ? – мелькнуло последним уже где-то далеко, как бы не в нем самом. – Желанная Итумэ...»

Голые колени скользнули по доскам. Сумитомо обмяк, от-

кинув голову на дубовый обод. Сковал, отключил его хмельной сон. Остыла минеральная вода, тихо волнуясь у груди в такт слабому дыханию. Поглотила Сумитомо вязкое, тягостное небытие. В трех ваннах, рядом, беспamięтно замерли друзья, но ИХ доспехи, одежда, оружие аккуратно сложенные, лежали неподалеку. За тонкой стеной, на циновке, прислонившись спиной к стене сидела молодая гейся. Итумэ. Женщина. Слабое существо.

Хмельной мрак сковал ее глубже, чем могучих воинов. И так необычно было это, что прислуга, хозяин минка и девочки-дзёро разбежались, оставив молодых аристократов беспомощными лежать в воде.

Смертельная бледность выбелила лица спящих. Расслабленно обмякли члены. И лишь прекрасная Итумэ, сохраняя достойный вид. Оперлась гейся спиной о стену, аккуратно сложив руки, разметав широкие рукава. Будто задремала Итумэ. Ни пятнышка на пурпурном кимоно, свеж майский его узор цвета увядших листьев.

Задремала Итумэ.

Навеки...

* * *

Снова мне приснился странный сон. Очень неожиданный сон и, что интересно, ничто в моей жизни для этого сна почвы не давало. Перед этим я сидела в камере и размышляла.

То, в чем меня обвиняли, казалось чепухой, ерундой, на которую не стоит обращать внимания.

«Но если это чепуха, почему я до сих пор в камере сижу? — подумала я. — Более того, полковник ясно дал понять, что ждет от меня признаний. Без признаний не выпустят меня на волю...

Черт! После тех признаний, которые ждет полковник, не видеть мне воли, как без зеркала ушей. Добро бы я не знала, кто жажнул из гранатомета — может было бы легче. Но я же ясно видела, что в президента целилась не я, а тот в фуфайке. Видеть-то видела, но как это доказать?»

Доказательств действительно не было, кроме гранатомета. Но с другой стороны как раз этот гранатомет и был главной уликой против меня: я же его сжимала в руках, а не мужик в фуфайке. Вот если бы они нашли мужика...

Чем больше я размышляла, тем становилось ясней, что никакого мужика они не найдут. Раз сразу не нашли, то и надеяться не на что, тем более, что их слишком уже устраиваю я. Да и чем тут не устроить: из пистолета стрелять умею, в комнате, из которой жажнули, была, гранатомет в руках сжимала...

Правда в комнате был и Валерий. Удивительно куда Люба подевалась. Очень ей повезло. Кстати, почему Любу мою в соучастии не подозревают?

Впрочем, глупый вопрос. Люба, как мать-героиня, совсем не подходит на роль террористки, да и ее муж как отец-герой

на эту роль не подходит. Соседи тоже не подходят, если верить полковнику, он же не врет, нет смысла. Он и сам был бы рад кого-нибудь посолидней подозревать, но некого. Короче, остаюсь одна я.

После мысли такой мне сделалось нехорошо.

Что же со мной будет?

Вот упрусь и, если не начнут пытаться или бить, буду стоять на своем: не покушалась! Фиг дождутся от меня признаний!

И чего добьюсь? Осудят без моих признаний.

От этой мысли мне стало очень плохо. В таком состоянии я и заснула. Заснула с мыслью решительно свою вину отрицать, а тут этот сон. Как после него не задуматься?

И я задумалась.

«Если буду отрицать, ничего не выиграю. Полковник уже смотрит на меня как на врага народа, а дальше еще сильнее ожесточится...

Смотрит как на врага? А кто я ему?

Враг!

И он мне враг в создавшейся ситуации: уж никак не желает мне добра.

А раз он враг, то почему бы мне не воспользоваться его оружием против него же самого? „Если, используя атаку противника, обращаешь ее против него самого – это победа. Тогда меч врага, несший смерть тебе, станет твоим мечом и обрушится на самого противника.“ Очень верно сказано. Так и поступлю. А почему бы и нет?»

Мысль сначала показалась абсурдной. Это же авантюра! Авантюра чистой воды! Я конечно сочинять мастерица, но всему есть предел...

Господи, о каком пределе идет речь, когда никто не собирается меня на волю выпускать! Так и загнусь в четырех стенах от скуки, а тут хоть какое-то разнообразие.

Кстати, чем черт не шутит, может и выгорит. Во всяком случае должен же кто-то найти этого мужика.

Правильно: «Когда противник совершает нападение, а твои глаза ловят движение его меча и пытаются следовать за ним, ты теряешь самообладание и терпишь поражение, потому что сам приводишь к себе меч врага – это „остановка“. Когда же ты видишь меч, собирающийся поразить тебя, но не позволяешь своему уму „останавливаться“ на этом, а просто воспринимаешь движения противника, продолжаешь двигаться навстречу противнику и, используя его атаку, обращаешь ее против него самого – это победа.»

С этой мыслью я забарабанила в дверь, громогласно сообщив: «Хочу сделать признание!»

Глава 6

Полковник встретил меня как родную, обрадовался, устремился навстречу, придвинул кресло.

– Присаживайтесь, Софья Адамовна, и давайте говорить начистоту. Рад, что вы одумались.

– Конечно одумалась, – ответила я. – Как тут не одуматься. На вашей баланде я, чего доброго, раздобрею.

– Ну что вы, – удивился полковник. – Здесь наоборот все худеют.

– Это они от переживаний, а пища, хоть и отвратительная, но для меня излишне калорийная. Я же долго переживать не умею, а пухну уже и на чистой воде, все от того, что мало в нашей жизни здорового движения. В нашей городской жизни вообще мало здорового.

Полковник насторожился, видимо испытывая сомнения не ограничусь ли я только этим признанием. Было заметно, что он не склонен ждать от меня хорошего, однако я тут же его обрадовала: сразу к делу перешла.

– Делаю официальное признание, – заявила я.

Полковник вооружился авторучкой и суетливо потянулся к стопке бумаг.

– Из гранатомета на президента покушалась я, как мне самой это ни противно!

Полковник, вместо того, чтобы писать, так и застыл с ав-

торучкой. Рот он тоже не забыл открыть – в общем, были все атрибуты изумления. Вот и пойми после этого человека. Станные мы, люди, создания. Станные и непоследовательные. Не такого ли признания добивался он от меня, так почему же медлит? Почему не записывает?

– Софья Адамовна! – воскликнул полковник. – Что же толкнуло вас на это ужасное преступление?

Я сделала страшные глаза и изрекла:

– Не «что», а «кто»!

– Кто? – прошептал он, мобилизуясь на большие деяния, конечно же в связи с предстоящими моими признаниями.

– БАГ, – коротко ответила я, немало озадачив полковника.

– БАГ? – переспросил он.

– БАГ, – подтвердила я. – Аббревиатура тайного общества, которое вынудило меня пойти на это ужасное преступление.

Полковник растерялся, потому что никогда не слышал про это общество. Еще бы! Никто не слышал! Даже я!

– Что означает аббревиатура? – деловито поинтересовался он.

Я пожала плечами:

– Никто не объяснял. Спасибо, хоть это знаю.

– Кто же члены тайного общества?

– Все, кого особенно устраивал бардак, воцарившийся в нашей стране. Прошел слух, что президент решительно со-

брался с бардаком кончать. Правда, решительно он только собирается, а кончает вяло, не кончил и до сих пор: конца и края бардаку не видно, но члены БАГа очень боятся увидеть конец. В общем, не хотят рисковать, вот подальше от греха и затеяли убрать президента. Жребий пал на меня, – с немалой важностью сообщила я.

Полковник изумился:

– Софья Адамовна, а вам-то этот бардак зачем?

Вопрос, должна сказать, завел меня в тупик: зачем же и в самом-то деле этот бардак мне? И почему я так им дорожу? Я, и грамма добра народного не приватизировавшая, не имеющая даже скромного кусочка всем надоевшей «трубы» – ни нефти ни газа, ни одной акции, ни заводика, ни депутатского мандатика. Ничего от бардака не имею и вряд ли поимею, сохранись тот бардак. Я не бедная, лгать не стану, но состояние мое не мной нажито, а следовательно никак не относится к бардаку. До обидного не относится.

Пока я раздумывала, полковник подкинул мне новый вопрос:

– К тому же вы говорили, что любите президента. Или вы лгали?

– Никогда не лгу, – успокоила я его и из скромности добавила: – Без крайней нужды. Действительно к президенту испытываю самые теплые чувства. С этими чувствами за гранатомет и взялась. Уж пускай, думаю, мигом погибнет хороший человек от моей доброй руки, чем так мучаться ему,

нашей страной управляя. В создавшихся условиях нет хуже пыток!

Полковник рассердился и закричал:

– Опять вы за свое? Прекратите ерничать!

– Если не ерничать, то завербовали меня. Приловили на грешках юности. Сами понимаете, возраст «молочный», гормоны играют, амбиций тьма, с виду роза розой – чистый бутон, а мозгов ноль. В общем, кто этим не грешил, потом сильно пожалеет. Я же грешила, но жалею все равно, так чрезвычайно мне в жизни не везет. Теперь я личность популярная, что будет, если народу станут известны мои грешки? Это же конец моей карьеры!

– Что за грешки? – оживился полковник.

Я посмотрела на него как на сумасшедшего и возмутилась:

– Чтобы утаить эти грешки, я пошла не просто на убийство, а можно сказать на убийство любимого человека, а вы хотите чтобы прямо сейчас вам в частной беседе между прочим и выложила все, что столько лет таила? Ага! Держите карман шире! Ха, узнать хочет мои грешки! Да за президента мне меньше дадут. Пока мы судиться-рядиться будем, может наши уже и к власти придут и меня из застенков выпустят. Кто знает, может стану еще и народным героем.

Полковник схватился за голову, я же, пользуясь его замешательством, выхватила авторучку и быстренько настрочила чистосердечное признание, много-много чистосердечных

признаний, не забыв подробно расписать устав БАГа, попутно ругая его членов, втянувших меня в полное дерьмо, а так же их жен и детей, если таковые имеются. Короче, что-что, а писать я умею, грех жаловаться, хоть в этом мне повезло.

Полковник прочитал, горестно посмотрел на меня и спросил:

– Софья Адамовна, зачем это вам?

Я насторожилась:

– Что, не верите?

Он покачал головой:

– Не верю.

– Вы странный, – рассердилась я и с надеждой спросила:
– Так может и не я покушалась на президента?

Полковник скроил кислую мину и страшно меня разочаровал.

– Покушались как раз вы, а вот сочинения ваши не выдерживают никакой критики, – со вздохом заключил он.

Я пожала плечами:

– Не знаю, читает меня народ и не жалуется.

Глава 7

В общем, после чистосердечного признания передали меня совсем другому полковнику. Тот был строг, и все, что бы я ни говорила, воспринимал с отрешенной серьезностью. Впрочем, я уже много и не говорила, памятуя, что словоохотливому человеку всегда легче завратиться, чем молчуну.

Играла роль молчуна, точнее молчуни – передать не могу, как тяжела эта роль. Ведь на каждое слово полковника была готова у меня речь, удержаться от которой стоило немалых страданий. Вот где начались настоящие пытки – пусть теперь скажут, что ТАМ не пытаются.

Пытки! Настоящие пытки!

Однако, выдержала и их. Тот полковник мои признания записал и передал меня очень хитрому человеку в скромном костюме. Мужчина в скромном костюме повел себя нескромно и напористо: тут же пожелал знать о моих грешках. Я в очень вежливой форме ему намекнула, что это невозможно. Он в такой же вежливой форме попробовал пригрозить. Мне стало смешно:

– Чем вы хотите меня напугать? Меня, покушавшуюся на самого президента!

Мужчина в скромном костюме хмыкнул и, похоже, согласился, что пугаться мне уже нечего.

– Софья Адамовна, – вкрадчиво спросил он, – а как про-

несли вы тот гранатомет в квартиру подруги?

– В ее же шкафу, – не моргнув глазом, солгала я.

Он снова хмыкнул:

– И на что вы надеялись?

– В каком смысле?

– Ну как бы стали утром стрелять, если бы не напился народ?

Сложный вопрос, тем более, что отвечать на него пришлось без запинки – оказывается оговаривать себя еще сложнее, чем выгораживать. К моей гордости я и с этой задачей справилась.

– Заранее подготовилась, – ответила я. – Подсыпала гадости во все спиртное.

Мужчина в скромном костюме совсем другими глазами на меня взглянул и поинтересовался:

– Какой гадости?

Я развела руками:

– Этого сказать не могу. Какой дали порошок, тот и подсыпала.

По выражению его лица поняла я, что не вру: в спиртном действительно была найдена какая-то гадость.

«Так вот почему нашла себя утром в салате и под столом!» – тут же прозрела я, но скрыла прозрение.

Мужчина же захотел знать, как собиралась я после покушения выбираться из дома.

– Никак, – ответила я. – Зачем мне выбираться? Гостей

много, пойди узнай кто стрелял. Гранатомет я должна была на лестничную площадку выбросить сразу же после того, ну, знаете после чего.

И я выразительно повела глазами.

Он снова хмыкнул и спросил:

– Что же не выбросили?

– Видимо не гожая я для такого серьезного дела, – вздыхая, поведала я. – Черт попутал, случайно из отравленного стакана глотнула...

– И что?

– Ну и... притравилась сама: очнулась в салате. Какой уж тут гранатомет, конечно же промахнулась.

Тут он усмехнулся и спросил:

– Не тяжеловат гранатомет-то для вас?

Мне стало обидно:

– Что-о? «Муха»? Он же легкий, да и я женщина крепкая.

Кстати, мне обещали, что после всего, ну, знаете чего, с лестничной площадки унесут гранатомет и, наверное, спрячут.

Мужчина хитро посмотрел на меня:

– Кто обещал?

– Тот, кто давал инструкции.

– А кто вам давал инструкции?

– Вот этого сказать не могу: имени его не знаю. Кстати, вашего тоже.

– Владимиром Владимировичем можете звать меня, – нехотя сообщил мужчина.

Теперь уже хмыкнула я. Хмыкнула и сказала:

– Очень распространенное имя в нашей стране. Кстати, не подскажите, как зовут того обворожительного мужчину, который на первый допрос заходил и сказал, что я и мухи не обижу?

– Нет у нас здесь обворожительных мужчин, – отрезал Владимир Владимирович.

Я, дивясь такой откровенностью, начала было его убеждать, что дело совсем не так обстоит, что он, в таком случае, совсем не в курсе, Владимир Владимирович же меня не слушал, а трудолюбиво выкладывал на столе фотографии.

– Узнаете кого-нибудь? – спросил он.

Несколько человек я сразу узнала и ткнула в них пальцем:

– Этого и этого.

Владимир Владимирович как-то сразу вытянулся и строго спросил:

– При каких обстоятельствах с ними познакомились?

Здесь я могла позволить себе абсолютную искренность, а потому радостно сообщила:

– При самых неприятных: они колотили Валерку, мужа моей подруги, отца-героя, между прочим.

– Когда колотили?

– Да в тот же день, когда нашли меня с гранатометом. Точнее перед тем как нашли. Это же ребята из охраны.

– Правильно, – согласился он. – И до этого вы с ними не встречались?

– Боже упаси! – отшатнулась я. – Зачем мне это?

Он почему-то кивнул головой. Я на всякий случай тоже кивнула и уточнила:

– А того, который инструкции давал, на этих фотографиях нет.

– Ясно. Кого из членов тайной организации вы знаете? – спросил Владимир Владимирович, уже невообразимо скучая.

– Никого, – совсем не скучая, ответила я.

Приходилось контролировать буквально каждое свое слово. Если бы я так вела себя с мужем, он бы и по сей день не ушел от меня.

– А что там произошло у вас с мужем? – словно подслушав мои мысли, спросил Владимир Владимирович.

Внезапно я заинтересовалась потолком и, рискованно зевая, сообщила:

– Ничего. Надо же было избавляться от лишних членов семьи для их же пользы. Операция подразумевала и провал, зачем же портить жизнь близким?

Владимир Владимирович тоже несколько раз подряд зевнул, а потом небрежно бросил:

– Ясно. А кого вы знаете из членов тайной организации БАГ?

Я опешила:

– Вы же спрашивали только что.

– Но вы мне не ответили. Кто-то же вам инструкции вы-

давал.

– Выдавал, но это не значит, что я его знаю. Встречалась несколько раз. В той организации жесточайшая конспирация.

– Ясно, – продолжая изнывать от скуки, кивнул Владимир Владимирович. – Что вы должны были делать в случае успеха?

– Получить деньги, – солгала я, судорожно гадая сколько же мне могли посулить за президента.

К счастью такого вопроса не последовало, зато последовал другой.

– А что вы должны были делать в случае неудачи? – спросил Владимир Владимирович и умным, совсем нескучающим взглядом вдруг посмотрел на меня в упор.

Я сконцентрировалась и ответила:

– Выйти на связь.

Он тут же выстрелил вопросом:

– Когда?

– Через неделю после завершения операции в каждый четверг в одиннадцать утра меня должен ждать связной, – как прилежная ученица без запинки отрапортовала я.

– Как осуществляется связь? – строго спросил он, и вот тут-то я рассердилась, потому что (может это и удивительно) уже устала врать, да и фантазия мне изменила.

– Какая разница?! – закричала я. – Никто не сможет выйти на эту чертову связь вместо меня, а я никуда выходить

не собираюсь, потому что хочу жить, пускай и в застенках. Хоть узницей, да жить. И не пытайте меня. Коль покушалась на президента, судите и баста. И хватит! Ловите преступников сами, здесь я вам не помощник! Все! Больше ничего не скажу!

– А больше ничего и не надо, – ответил Владимир Владимирович и хитро улыбнулся.

Я снова оказалась в камере и была очень огорчена. Складывалось впечатление, что мне не верят.

«И все же про мужа я неплохо ввернула, – приободрила себя я. – В любом случае не хочу, чтобы какой-то болван думал, будто меня можно бросить. Всю жизнь всех бросала сама... Эхе-хе... Как приятно иметь хорошую память.»

Глава 8

Несколько дней моей персоной не интересовались. Я сидела в одиночной камере, изводила себя дурными мыслями и окончательно приуныла.

«Неужели ничего не вышло? – гадала я. – Конечно не вышло. Было бы глупо надеяться, что мне поверят. Не идиоты же они.»

Однако я ошиблась, Владимир Владимирович все же пожелал меня видеть. Вдохновленная, я отправилась на допрос, настраиваясь на свободу.

Владимир Владимирович на этот раз был просто душка: мил и ласков. Начал сразу с реверансов.

– Софья Адамовна, все ли устраивает вас? Нет ли просьб или жалоб?

– Полноте, батенька, – в тон ему снисходительно ответила я, – уж не на курорте находимся. Конечно кое-что не устраивает, но потерпим, знали на что идем. Всегда мечтала прославить имя свое навеки, на книжки мои в этом смысле надежды нет, может хоть с этим делом загремлю.

– Загремите, обязательно загремите, – пообещал он, явно имея ввиду плохое.

Я уже собралась пригорюниться, но Владимир Владимирович не дал.

– Так значит не жалуетесь ни на что? – любезно повторил

он свой вопрос, думаю лишь за тем, чтобы не дать мне высказаться.

– Нет, не жалуюсь, – подтвердила я. – Впрочем, если при-
спичило вам приятное мне сделать, так распорядитесь, что-
бы порции поменьше приносили. Уж чего-чего, а баланды в
тюряге вашей не жалеют – так недолго и разжиреть. Очень я,
понимаете ли, за свою фигуру опасаясь. Это единственное,
что от меня осталось, а тут что ни порция, то экскаваторный
ковш!

– Так не ешьте, зачем вы едите, раз лишнее? – удивился
Владимир Владимирович.

– Сразу видно, что вы на диете никогда не сидели. Челов-
ек, доведенный до иступления диетами, перестает сообра-
жать, когда видит перед собой любую еду, будь это и тюрем-
ная баланда. Всякая женщина, если она здорова, без сомне-
ний это подтвердит. Времена настали такие, что подтвердить
это могут уже и девушки. Вот когда я была девушкой...

Жуть отразилась на лице Владимира Владимировича, и я,
как натура великодушная, его пожалела:

– Впрочем, давайте перейдем к делу.

– Давайте! – обрадовался он. – У нас есть к вам деловое
предложение.

Я завопила как резаная:

– Что?!!

Невозможно передать ни ужас, вложенный в этот вопрос,
ни силу моего голоса – очень жаль, я очень постаралась.

Владимир Владимирович такой реакции не ожидал и весь вздыбился; в комнату с паникой на лице заглянул часовой. Владимир Владимирович дал ему знак, мол все в порядке, часовой нырнул за дверь, а Владимир Владимирович стоически продолжил беседу.

– Софья Адамовна, – воскликнул он, прямо на моих глазах пытаюсь взять себя в руки, – что вас так напугало?

– А вас? – поинтересовалась я.

– Меня вы.

– А меня вы. Сидя в казематах ваших, сбилась уже со счету дней, но чувствую, что скоро будет четверг. Поэтому знаю, что сейчас предлагать будете, и потому заранее отказываюсь.

Он вздохнул с облегчением и попросил:

– Не могли бы вы отказываться как-нибудь поспокойней.

– Невластна над собой, когда речь заходит о жизни моей.

Не то, чтобы я уж такая трусиха, нет, душой абсолютно ничего не боюсь – душа же бессмертна. Поэтому душе моей все равно, а вот тело очень умирать не хочет и всеми доступными способами сопротивляется. Слышали сами.

Признание мое озадачило Владимира Владимировича.

– Как же вы, в таком случае, решились гранатомет в руки взять? – скептически поинтересовался он.

– Если бы вам заплатили столько, сколько мне, и вы бы решились, – отрезала я.

Он повеселел:

– Ага, следовательно дело в деньгах, и мы можем догово-

риться.

– Вряд ли. Зачем мне деньги в неволе? Теперь почему-то хочется жить.

Мое откровение ему понравилось. Он тут же довольно подробно объяснил, насколько от него зависит какой приговор мне вынесут. Я тут же довела до его сведения, что очень рассчитываю на великодушие президента.

– Президент меня помилует, – заверила я. – Не сомневаюсь, он даже испытывает некоторую благодарность за то, что я промахнулась. Для него просто счастье, что я за дело взялась. Другой бы уж точно не промахнулся, следовательно я каким-то образом президента даже спасла. Вот увидите, он в долгу не останется и тоже меня спасет. Лет десять отсижу и выйду. Не беда, говорят же: сорок пять, баба ягодка опять.

– Вам будет несколько больше, – невежливо напомнил Владимир Владимирович.

– Значит еще больше расцвету, вы же хотите мою жизнь опасности подвергнуть. Разницу видите? – я откинулась на спинку стула: – Нет, даже и не просите.

Владимир Владимирович удивился:

– Софья Адамовна, откуда вы знаете о чем я собираюсь вас просить?

– Не так много имею, чтобы теряться в догадка: кроме связного у меня ничего нет, но не рассчитывайте на мою ветреность, на эту связь я не пойду. Во всяком случае по доброй воле.

Я нарочно дала такой намек, чтобы был посмелее и не вздумал останавливаться на достигнутом.

Ох, уж эти мне мужчины: даже в таком государственном вопросе приходится стимулировать их к настойчивости, что же говорить о прочем?

Ах, как нам, женщинам, не хватает настоящей мужской настырности и силы воли, и как надоели настырность и сила воли свои! Порой просто тошнит нас от собственной силы!

Здесь я не могу не похвалить Владимира Владимировича: правильно понял мой намек и навалился где с уговорами, где с посулами, где с угрозами так, что прямо душа зарадовалась. Уж чего он только мне не обещал. Если верить ему, так сразу же, как на связного выведу, так и отпустят домой. Даже извинился, что не смогут мне орден выхлопотать за спасение президента, но и с этим брался подсобить. Потом. Со временем, когда страсти улягутся. На ордене меня заклонило: крепко задумалась я.

«Пора или не пора сдаваться? Не показалось бы им, что слишком быстро согласилась. Нет, стоит, пожалуй, еще поломаться, до более весомых аргументов. Ведь не весь еще спектр задействован. О сыне, к примеру, разговора не заводили.»

– Очень беспокоит меня мой сын, – напомнила я. – Он с бабой Раей сейчас в деревне. У ее сестрицы гостит. Члены тайной организации, в случае чего, могут через него мне вред принести. Должна заметить: они настроены решительно

и наглы, совсем властей не боятся. Разбаловались при капитализме, ну да не мне и не вам про это рассказывать – знаете лучше моего.

Владимир Владимирович поспешил сообщить:

– О сыне не беспокойтесь, он в надежном месте. Кстати, есть вам большой смысл постараться и ради него.

«Вот в каком месте пора соглашаться,» – подумала я и воскликнула:

– Ах, я наметила ему большую карьеру! Неужели теперь сама же должна ее поломать?

– Все в ваших руках, – ответил Владимир Владимирович и многозначительно на меня посмотрел.

Я отвернулась и с минуту усердно сопела, изображая глубокие раздумья, потом я детально изучала обои и потолок, прикидывая когда в этой комнате последний раз делали ремонт, а потом сказала:

– Хорошо, вы меня убедили...

В глазах его загорелся огонь надежды.

– Что есть смысл поразмыслить над возможностью нашего сотрудничества, – продолжила я и попросила: – Дайте мне всего один день.

Владимир Владимирович изобразил удивление:

– Как? Разве вы мало думали?

– Послушайте, – возмутилась я, – не мелочитесь, прошу всего день, шляпку дольше выбираю, а тут о жизни моей идет речь. Вдруг выйду на связь, и сразу же меня того!

– Чего?

– Сами знаете чего. Я же единственная могу об их организации рассказать, к тому же задания не выполнила. Кто их знает, вдруг они уже к смертной казни приговорили меня. Боюсь и храбро этого не скрываю!

На самом деле я понятия не имела где должен ждать меня этот мифический связной, да и самого связного у меня на примете еще не было. Из суеверия побоялась вперед забежать и раньше времени ничего не планировала.

Владимир Владимирович некоторое время пытался к скорому решению меня склонить, а потом махнул рукой и сказал:

– Так и быть, думайте, но помните, что у вас есть сын, который сильно без мамы скучает.

Тут же мелькнула мысль: «Всю оставшуюся жизнь будет без меня скучать, если сейчас что-нибудь не так придумаю.»

С этой мыслью я в свою камеру и отправилась. Состояние было нервическое. Предстояло разыграть спектакль, содержание которого неведомо ни одному актеру.

Разумеется, никому, кроме меня.

Впрочем, на тот момент и я не ведала, не могла придумать ни одного действия будущего спектакля, а потому ужасно нервничала.

Голова пухла от мыслей – состояние для меня непривычное. Вопросов возникало невообразимое множество. Где должен состояться этот спектакль? Сколько в нем будет

участников? И так далее и тому подобное.

На первый план, конечно же, рвался вопрос: кто будет играть главную роль? Сама я играть главную роль не собиралась. Прекрасно пою, еще лучше танцую, но театр не моя стихия, к тому же сама играть роль связного я никак не могла, следовательно требовался актер, желательно умный, храбрый и талантливый.

Были к нему и другие требования. Поскольку я уже практически назначила час и день – одиннадцать часов каждого четверга – то актер мой обязательно должен повстречаться мне в том месте, которое я Владимиру Владимировичу укажу.

С местом тоже были проблемы. Совершенно очевидно, что встреча должна произойти где-нибудь на улице: у памятника или у входа в парк, ну там, где многолюдно.

Признаюсь, изрядно голову поломав, я вдруг нашла такое мудрое решение, что едва не прослезилась от умиления к самой себе.

«Что за проблема? – подумала я. – Выхожу на любую улицу и обращаюсь к первому попавшемуся прохожему. Или к продавцу мороженого. Или к нищему...»

Развивая это направление, к ужасу своему вынуждена была признать, что мудрым назвать такое решение можно только в кавычках. Имея цель не обращаться к прохожим, а улизнуть от своих стражей, я очень быстро зашла в тупик, не представляя как это сделать. Даже если мне удастся разрабо-

тать приличный план, где уверенность, что все по этому плану и сложится? Если бы в нашем мире что-нибудь когда-нибудь было способно идти по плану, то жили бы мы в раю. Сколько великих людей на этих планах погорело, сколько не состоялось по этим планам побед!

Должна сказать, что как раз по этому поводу переживания мои были напрасны: плана-то и не было у меня.

Абсолютно никакого.

Да и откуда взяться плану, когда главного героя нет, а без героя нет и характера, а без характера как узнаешь чего ждать?

Самый тяжелый труд, это интеллектуальный. Вымотал он меня так, что заснула, как умерла – даже снов не видала.

Утром, едва открыла глаза, сразу же погрузилась в отчаяние.

В такое отчаяние погрузилась, что словами нельзя передать. Мозги от горя сразу же отключились, и всеми мыслительными процессами завладело сердце.

«Что сидишь? – сказала мне оно. – Отправляйся к Владимиру Владимировичу, пока он не передумал.»

Я попыталась возразить: «Не знаю же ничего, нет же у меня плана!»

«Какой там план, – рассердилось сердце. – Всю жизнь без плана выкручивалась, а тут вдруг закапризничала!»

«Боже, – подумала я, – даже сердце умнее меня. Иди отсюда, говорит!»

Как тут не согласиться?

И я пошла.

Глава 9

На этот раз Владимир Владимирович смотрел на меня настораживающе приветливо, что называется, разлетелся ко мне душой.

– Согласна сотрудничать, – сходу сообщила я, не желая его разочаровывать.

– Очень хорошо! – обрадовался Владимир Владимирович. – Рассказывайте, как это должно произойти.

– Этого не знаю сама, – вынуждена была признаться я. – Приказали каждый четверг в одиннадцать часов с Арбатских ворот двигаться по Новому Арбату в сторону «Дома книги».

Поскольку к ответу на вопрос я готова не была, то и ляпнула первое, что пришло в голову. Почему пришел в голову этот маршрут? Его я частенько любила проделывать, таким образом действительно двигаясь от своего дома к «Дому книги» в желании полюбоваться на свои две книги, изданные новым тиражом. Мой настоящий маршрут, конечно же, был значительно длиннее, поскольку дальше от «Дома книги» находится и мой родной дом, но какое это имеет значение?

Однако, сообщение Владимир Владимировича расстроило.

– От Арбатских ворот к «Дому книги» и все? – спросил он.

– И все, – подтвердила я и, чтобы немного его приободрить, добавила: – Думаю, на этом коротком отрезке меня кто-нибудь из БАГа и окликнет, если я не узнаю связного сама: не исключено, что он же и выдавал мне инструкции. Как только я к нему подойду, так сразу его и хватайте.

– Ни в коем случае! – Владимир Владимирович даже замахал на меня руками, боже, какой эмоциональный.

– Что? Хватать не будете? – удивилась я.

– Связной нам нужен для того, чтобы выйти на других членов этой организации.

– В таком случае должна вас предупредить: не вздумайте совать мне в одежду подслушивающие устройства. БАГ – организация небедная, упакована всеми новинками и слежку заметит вмиг. Придется вам наблюдать за нами с приличного расстояния и никакой записи разговора со связным.

Владимиру Владимировичу моя ремарка не понравилась. Он испытующе посмотрел на меня и напомнил:

– Ваш ребенок у нас.

Я кивнула, а сама подумала: «И поэтому я спокойна. Вы же не террористическая организация. Что плохого вы сделаете моему ребенку? Гораздо хуже будет ему, если я останусь у вас и не найду мужика в фуфайке.»

Потрясая своей проницательностью, Владимир Владимирович продолжил мысль:

– Новый Арбат неудобная для такого мероприятия улица. Вести вас придется с приличного расстояния, поэтому хо-

чу предостеречь от глупостей. Если вы собираетесь сбежать, то...

Я не дала ему договорить и, демонстрируя покорность, завила:

– Никуда не побегу. Подумайте сами, куда мне бежать? Я женщина домашняя, привыкла к комфорту, мне даже спрятаться негде, тем более, что убегая от вас, прятаться придется до конца своих дней. Положитесь на мою рассудительность.

Владимир Владимирович несколько успокоился, но все же напомнил:

– Где же ваша рассудительность была, когда вы решились покуситься на жизнь президента? Надеюсь, понимаете как нелегко вам верить.

– Нелегко, согласна, и все же тому были веские причины, которые излагать не буду. Поверьте, речь шла о жизни.

– Вы же говорили, что только о карьере.

– Не хотела вас пугать.

Не знаю, устроил его мой ответ или не устроил, но тему он сменил – перешел к разработке предстоящей операции. Несколько часов он накачивал меня легендой – должна же я была убедить членов мифического БАГа, что мне удалось уйти от спецслужб.

Легенда мною усваивалась нелегко, потому что по привычке я все время сбивалась на творчество, все хотела добавить что-нибудь и от себя. Владимир Владимирович, какой

умница, проявил терпение и своего драгоценного времени не пожалел. Худо-бедно дело двигалось. Когда же я наконец усвоила эту ненавистную легенду, и голова моя раскалывалась от избытка информации, оказалось, что все это лишь прелюдия.

– В общих чертах пока так, – подытожил Владимир Владимирович, – но окончательную подготовку к операции произведут специалисты. Кстати, операция назначена на завтра.

Я запаниковала:

– На завтра?! Дело же к ночи идет!

– Прекрасно! – бодро отреагировал Владимир Владимирович. – Значит до утра у нас времени достаточно.

– Но я не готова! Психологически не готова!

– Не переживайте, у нас прекрасные психологи. Подготовят. После специальной обработки вас можно будет хоть на взятие рейхстага посылать.

– Но я не хочу брать рейхстаг!

– Этого вам делать и не придется, – снисходительно успокоил меня Владимир Владимирович. – Всего лишь встретитесь со связным и будете вести себя так естественно, будто и в самом деле улепетнули от спецслужб. И никаких возражений. Следующий четверг будет только через неделю. Столько мы не можем ждать. Речь идет о безопасности президента.

Когда речь идет о безопасности президента, у любого гражданина все возражения отпадают сами собой. Отпали и у меня.

И тут же набежала толпа специалистов.

Боже! Сколько всего узнала я в рекордно короткие сроки! Какие детали, какие подробности! И все имело прямое отношение к охране президента.

Порой у меня складывалось впечатление, что эти специалисты задались целью подготовить неумех членов БАГа к следующему покушению, на этот раз успешному. В противном случае невозможно было бы объяснить зачем снабжать баговцев столь интригующей информацией о личной охране президента, охране ближних и дальних подступов, охране трасс следования, о службе дистанционной обсервации и бог знает еще чего.

Натаскали меня так, что и по сию пору могу выдавать консультации. Так грамотно и доходчиво мне втолковали как могло случится, что я умудрилась пальнуть в президента из гранатомета и остаться живой, улизнув от толпы прекрасно обученных и специально подготовленных людей, что я вдохновилась и предложила повторить покушение. Просто жаль, что такая армада знаний пойдет всего лишь на какого-то банального связного.

– Раз эти баговцы такие настырные, – воскликнула я, – так давайте я вторично предложу им свои услуги. Когда они оценят степень моей подготовленности и осведомленности, то сразу поймут, что лучшего человека им ни за что не найти.

– Мы над этим подумаем, – пообещал Владимир Владимирович и передал меня другому специалисту.

Хотите верьте, хотите нет, но это был специалист по слухам. Можете себе представить: существует целая бригада, которая кормится сама и кормит свои семьи тем, что коллекционирует слухи.

Ох, боюсь моя баба Рая сотрудничает с такой вот бригадой, иначе чем еще объяснить ее неистребимую страсть к сплетням?

В общем, познала я в тот день много нового и для себя бесполезного. От всего процесса одна лишь была польза, — я утерла нос Владимиру Владимировичу, который уж слишком скептически отнесся к моим рекомендациям не совать в меня подслушивающих устройств. То же самое ему посоветовал и Геннадий Геннадиевич, спец по электронным средствам сбора информации — очень милый и интеллигентный человек, с которым в другое время я, как женщина цветущая и одинокая, легко пошла бы на роман. Да что там пошла, прям-таки устремилась бы, да и он был бы совсем не против...

Ох, что о том! Условия, в которых мы встретились, к роману совсем не располагали, и все же (на всякий случай) я произвела на него выгодное впечатление, высказав свое мнение на сторону вопроса, близкую его специальности.

— Софья Адамовна, вы правы, — согласился он, выразительно глядя на Владимира Владимировича и других членов группы, принимавших участие в разработке операции. — Закреплять на вашем теле или в вашей одежде радиомая-

ки, звуко и видеозаписывающие устройства и прочую милую мне технику, – непозволительный риск.

Судя по имеющейся у вас информации, противник располагает эффективными средствами обнаружения и электронной дезактивации.

– Но может быть вы все же что-то придумаете... – с кислой миной промямлил Владимир Владимирович, как я поняла, поставленный во главе всей группы и несущий особую ответственность за успех операции, которую я заранее обрекла на провал.

– Риск. Неоправданный риск, – безапелляционно заявил Геннадий Геннадиевич. – Вечная борьба защиты и нападения. Никогда нельзя с полной уверенностью сказать у кого аппаратура лучше, у нас или у противника. А тут как раз поступили сведения, что спецслужбы Израиля изобрели нечто такое... Кстати, в этой организации евреи есть?

Я развела руками:

– Где их сейчас нет? С точностью не скажу вам, что их нет и во мне, о БАГе и гадать не стоит.

Геннадий Геннадиевич укоризненно взглянул на Владимира Владимирович.

– Вот видите, – сказал он, – раз там есть евреи, тем более не стоит рисковать.

– Вы сильно осложнили нам работу, – уныло резюмировал Владимир Владимирович. – Придется увеличивать численность группы.

На такое сообщение я не могла не отреагировать.

– Какая прелесть! – радостно воскликнула я. – Появлюсь на Арбате в окружении двух десятков здоровенных молодых мужиков, – я изобразила восхищение, которое тут же сменилось тревогой: – Выберите, пожалуйста, покрасивей и помоложе. Если повезет и встречу кого-нибудь из подруг, так пускай все! Все умрут от зависти!

Владимир Владимирович не разделил ни моей радости, ни моей тревоги.

– Почему вы собрались гулять в окружении молодых мужиков? – апатично поинтересовался он.

Я ответила со всей, присущей мне искренностью:

– Потому что сама уже не девочка, и молодость будоражит мою густеющую кровь, стремительно гонит ее по венам, заставляет дерзать и куда-то стремиться!

Согласна, в речи моей есть некоторый излишек пафоса, но это еще не причина реагировать так зло, как это сделал Владимир Владимирович.

– Софья Адамовна! – прогремел он, внезапно лишившись всей своей вялости. – Если вы думаете, что государство тратит солидные суммы лишь для того, чтобы вы разгоняли свою густеющую кровь, дерзали и куда-то стремились, вынужден вас огорчить – вы глубоко заблуждаетесь!

Передать не могу, как была я изумлена, что и обнаружила своим живописным молчанием, однако Владимира Владимировича разозлило уже и это молчание.

— Да-да! — продолжал он греметь. — И не вытаращивайте на меня свои глупые глаза! Вы недооцениваете важности предстоящей операции! Учитывая вашу пустоту и никчемность, это неудивительно, но в ваших же интересах сконцентрироваться и отбросить легкомыслие. Уж пора бы в вашем возрасте! Блин! Приходится работать черт знает с кем! — и он в сердцах швырнул об пол шариковую ручку, хорошо, более тяжелых предметов поблизости не было.

Все ошолобенели. На секунду и я тоже.

Ну?! Как вам такая речь?!

Бедные специалисты побледнели и покраснели одновременно, втянули головы в плечи и зажмурили глаза, потому что за короткое время общения со мной уже ждали от меня многого, я же повела себя интеллигентно, потому что склонна к справедливости и самокритичности. Знаю, что та еще штучка. С пяти лет училась выпаривать мужикам мозги, превращая их в хрупкую сухую массу, рассыпающуюся в пыль от каждого моего аргумента.

Владимир Владимирович еще молоток. Поразительно много выдержал. При всей моей симпатии к Геннадию Геннадиевичу скажу: он и сотой доли того не снес бы, что стоически претерпел Владимир Владимирович, поэтому я не обиделась, и не замкнулась, и не стала шантажировать, угрожая, что на Арбат не пойду. Я с жалостью посмотрела на Владимира Владимировича и ласково сказала:

— У вас был очень тяжелый день, а завтра будет еще тяже-

лей.

Владимир Владимирович дернулся как от удара хлыста, обвел окружающих тусклым взглядом и буркнул:

– Уж вы постараетесь.

Я снисходительно улыбнулась, а он поспешил обратиться к специалистам:

– С Софьей Адамовной все закончили?

Специалисты с панической поспешность затрясли головами:

– Все! Все!

– Тогда простимся с ней до завтра и займемся дальнейшей разработкой «операции».

Владимир Владимирович осторожно, как ядовитую змею, как гюрзу, вывел меня из кабинета и... (о, чудо!) на прощание у порога поцеловал мою бледную руку.

Глава 10

Операцию назначили на десять утра. Лично мне предстояла работа не бей лежачего: всего лишь неспешным шагом прогуляться по Новому Арбату – от Арбатских ворот до «Дома книги» и обратно.

Туда и обратно, туда и обратно.

И так до тех пор, пока предполагаемый связной не запишет меня и не вступит со мной в контакт.

Если принять во внимание, что такого связного никогда не существовало в природе, то ясное дело – гулять я собиралась до вечера, а если у тайно сопровождающих хватит терпения, то и до утра следующего дня. Насиделась я в камере, душа свободы запросила.

Владимир Владимирович в камере со мной не сидел, а потому наивно рассчитывал ненадолго на Новом Арбате задержаться. Я это поняла из тех инструкций, которые он усердно выдавал своим подчиненным.

– Всех! Каждого, кто задержит взгляд на Софье Адамовне, брать на заметку и сразу пускать в разработку! – накачивал он своих орлов.

«Судя по тому, что я женщина чрезвычайно видная и нагоняю на мужчин большой аппетит, работы у орлов сегодня будет невпроворот,» – подумала я и прямо во время инструктажа начала составлять в голове список тех мерзких людей

шек, которых хотела бы повстречать во время своей прогулки.

Очень хотелось увидеть на Новом Арбате своего родного муженька, желательно с его зазнобой! Вот бы крови попили им мои друзья: Владимир Владимирович и Геннадий Геннадиевич со товарищи. Уж отыгрались бы на этих предателях...

«Однако же встретиться могут и приличные люди, – встревожилась я. – Как им объяснишь, что не всегда полезно меня узнавать. Затаскают ведь. Грехов, должно быть, у каждого немеряно...»

Впрочем, глупые все мысли! Думать нужно было конечно о том, как слинять от своей охраны, но ничего путного в голову как назло не приходило. А ведь какие прекрасные мне создавались условия! После того, как со мной выйдут на контакт, Владимир Владимирович настаивал, чтобы я беспрекословно выполняла все указания связного!

Какими бы они ни были! Ха-ха!

Помнится, я – натура творческая – была возмущена. А ну как этот связной меня куда-нибудь завлечет, затащит и...

Господи! Какие приятные мысли, порой, приходят в мою голову! Да где там! Никто никуда меня не завлечет, не затащит, как бы мне того ни хотелось.

Тут бы пораскинуть мозгами где этого связного на самом деле взять, да как бы его к делу приспособить, но фантазия моя не на шутку разыгралась, я вдруг начала представлять

как «орлы» Владимира Владимировича хватают на Новом Арбате моего неверного муженька!

Прямо с его зазнобой, моей неверной подруженькой!

Хватают, на глазах у честного народа сковывают наручниками, и унижительными пинками загоняют сладкую парочку в «воронок»...

– Софья Адамовна! – пробудил меня от милых сердцу видений голос Владимира Владимировича. – Пора, дорогая! Пора!

«Ну вот, – испугалась я, – бездарно потратила время, а ведь могла придумать план...

А-а, лучший план – это отсутствие всякого плана. Такое положение вещей оставляет место для импровизации. Кривая вывезет...»

С этой мыслью я и отправилась к Арбатским воротам.

* * *

Я медленно фланировала по Новому Арбату, наслаждаясь иллюзией свободы.

Поначалу мне постоянно хотелось вертеть головой, лишь титаническим усилием воли не делала я этого, что не уменьшало желания обнаружить хотя бы одного агента, из посланных меня пасти.

Головой-то я не вертела, но глядела в оба. Безуспешно. Ни одного лица в поле моего зрения не попало дважды, а память

у меня знатная.

Да что там лица, ни одного костюма знакомого! Уж это бы я заметила.

Так, напряженно вглядываясь в прохожих, миновала я лотки книжных торговцев, сбывающих по бешеным ценам псевдораритеты приезжим.

Никакого проблеска мысли.

И ни одной знакомой физиономии.

Есть причина погрузиться в пучину меланхолии.

Я дошла до «Дома книги» и, подавив в себе желание вернуться в магазин, полюбоваться на свои две книги, повернула обратно.

Медленно шла. С тройным усердием изучала лица прохожих, против всех правил совершенно не обращая внимания на торговцев книг. В голове была одна только мысль: «Где взять этого чертового связного?»

С этой мыслью я благополучно добралась до Арбатских ворот и повернула обратно, вновь устремившись к «Дому книги». Я уже не шла, а летела, не знамо почему сбиваясь на бег. И вдруг...

– София! София! – донеслось до меня сквозь новоарбатский гул.

Даже как-то не сразу сообразила, что это относится ко мне. Таким образом величают меня лишь два человека: один живет в Австралии, а другой...

Господи! Это же он, Артем-Харакири! Как я о нем забы-

ла?! Вот удача!

– Артем! – восторженно откликнулась я, но, вспомнив о соглядатаях, тут же прикусила язык и поспешила к старому своему знакомцу, недоумевая, как можно было забыть о столь полезном человеке.

Забить и не учесть его в своих планах.

Да что там учесть! Только на этом Артеме и можно было планы строить!

Господи! Какое счастье, что я выбрала этот маршрут! Чудесные мысли, оказывается, приходят и в мою голову!

Должна пояснить: Артем-Харакири стоил того, чтобы о нем помнить. В наш прагматичный век он рискнул остаться белой вороной, исповедуя идеалы чести, преданности, стойкости и аскетизма.

У него было свое слово, которому он был хозяин. Бескорыстность его порой доходила до цинизма, поскольку Артем требовал того же и от окружающих. Его выдающаяся внешность (просто красавец!) никаким образом не сказывалась на его семейном положении: в свои тридцать пять Артем был холост.

И это при том, что о доверчивости его ходили легенды, как и о его честности, и о его альтруизме. Ленивый для себя, Артем преисполнялся невообразимым энтузиазмом для любого первого встречного. Лично я этим энтузиазмом злоупотребляла многократно.

Ко всему вышеперечисленному много еще чего добавить

могу: Артем нигде не работал и поскольку торговля не могла приносить значительного дохода, было странно на что он существует, а существовал он относительно безбедно и всегда был рад своей относительной безбедностью поделиться, чем его коллеги и пользовались.

Щедрость Артема порой просто изумляла, как и его любовь к людям и собакам. Так же изумляло его чувство собственного достоинства, которое в наше время легко подменяется заносчивостью, презрительностью и чванством. Артем же, как ни странно, этих качеств был абсолютно лишен. Впрочем, странного в нем было достаточно.

Не знаю, откуда в Артеме столько странностей взялось. Возможно примером в этом ему послужили самураи, книгами о которых он и торговал со своего лотка. Кроме того ему была не чужда философия буддизма и дзен-буддизма, синтоизма и конфуцианства. Всем этим он тоже торговал с лотка. Однако самураи...

Любая тема, которой в разговоре касался Артем, неизбежно оборачивалась экскурсом в жизнь, психологию и быт самураев. Настольной книгой абсолютно мирного и миролюбивого Артема была Бусидо – Путь воина. Представить себе Артема сосредоточенного на словах «... утром и днем, засыпая и просыпаясь, думай о смерти... постоянно думай о том как ты будешь умирать...» было совершенно невозможно. И тем ни менее он слова эти бормотал, а утром шел бескорыстно предлагать себя миру.

И вот на такого хорошего человека я должна была спустить верных церберов президента: Владимира Владимировича и Геннадия Геннадиевича со товарищи. Можно представить как нелегко мне это далось: секунд двадцать колебалась.

Я подошла вплотную к Артему и прошипела:

– Хочешь приколоться?

– Хочу! – обрадовался он.

Да, я забыла сказать о самом главном: больше самураев Артем любил только приколы. Никаких денег на них не жалел и имел уникальную коллекцию прикольного арсенала. Чего только не было в этой коллекции: от кровавых ран, до имитаторов храпа и пука. Совершенно безобидный Артем в приколах своих, порой, доходил до садизма.

Впрочем, на него и не обижался никто, и если у кого возникало желание приколоться, то лучшего компаньона в этом не стоило и искать: все сразу шли к Артему, уж ему-то не надо было долго что к чему разъяснять – все ловил на лету.

– Значит так, – прошептала я, – опусти лицо и что-нибудь говори.

Мне нужно было выиграть время: в недрах головы уже шевелился кое-какой план.

– Понял, – мгновенно сообразил Артем и принялся перебирать книги на лотке.

– Вот, – не поднимая головы, сказал он, – только для тебя.

Артем извлек из своих богатейших запасов маленькую

книжицу.

– Избранные сутры китайского буддизма, – не отвлекаясь от мыслей, механически прочитала я.

– Ну да, – подтвердил Артем. – Китай оказал неизгладимое влияние на культуру Японии. К примеру у Миямото Мусаси в Книге пяти колец для практики боевых искусств...

– Артем, – прошипела я, – прижми к губам бейсболку и говори тихо.

Он повиновался мгновенно.

– Зачем? – донеслось до меня сквозь плотную ткань бейсболки.

– В этом и заключается прикол, – пояснила я. – Книгу новую пишу. Политический детектив. Чтобы прочувствовать все на своей шкуре, поручила друзьям следить за мной. Один из них умеет читать по губам. Потому говори через бейсболку.

– Понял, – кивнул Артем.

– Если понял, то помоги прикол организовать. Николая давно видел? Художника имею ввиду.

– А-а, Кольку-Андеграунда. Сегодня утром и видел, в мастерской его ночевал.

Артем оживился, потому что Колька тоже был известный приколист: специалист по взрывам – шуточным, ненастоящим. Крутые и «братва» и по сей день наперебой раскупают его квазигранаты и подкладывают друг другу в особняки и автомобили за милую душу. Особенно Колькин бизнес про-

цветает на восьмое марта и под Новый год, ну и первого апреля, само собой.

Должна сказать, этот Колька-Андеграунд – личность тоже примечательная. Приколы приносят ему кое-какой доход, но основной дар Кольки (это же и принцип жизни) оказывать услуги своим друзьям и знакомым. При этом сам Колька ничего толком не умеет и ничем в совершенстве не владеет, но на жизнь не жалуется. Просто берет одного из своих приятелей и за его счет оказывает услугу другому. А когда приходит время платить по счетам, отыскивает следующего приятеля, чтобы оказать услугу предыдущему.

Этакий человек-коммутатор на общественных началах. В результате такой кипучей деятельности кое-что и Кольке перепадает, потому что отказа ему нет нигде: каждый предвидит и себе возможное благо.

В связи с постоянной занятостью сорокалетний Колька так и не успел обзавестись семьей, сохранил свежесть и по этой причине в своей среде считался женихом молодым и завидным, чем успешно и пользовался, обещая руку и сердце всем знакомым девицам. Его мастерская была к услугам любого, кто хоть как-то нуждался в ней.

Само собой, что две такие яркие индивидуальности, как Колька-Андеграунд и Артем-Харакири, не могли не сойтись. Конечно же они крепко дружили.

– Гони к Кольке, – напористо продолжила я, – и чтобы через два часа он ждал меня с фирменной гранатой в своей

мастерской. Надеюсь найдутся там мужские шмотки моего размера?

– Обеспечим, – заверил Артем, и улавливая суть проблемы на лету, добавил: – усы накладные, грим, щетину и парик с лысиной тоже доставлю туда.

– И очки от солнца захвати, – посоветовала я. – Круглые, как у кота Базилио.

– Сделаем, – кивнул Артем.

На его лице промелькнуло сомнение, которое я объяснила по-своему и, не желая злоупотреблять его добротой, прошептала:

– Я всегда видела в тебе настоящего ронина. Покупаю твой меч и вместе с ним твою верность.

– Спасибо, – оживился Артем. – Я-то, ты знаешь, всегда рад помочь, но Колька сейчас на мели, за гранату придется платить.

– За мной не заржавеет! – пообещала я.

– Только это, давай не через два часа, а ближе к вечеру, – и он кивнул на лоток, – понимаешь ли, разложился недавно и что же, свертывать опять?

– А мы недолго. Колька живет здесь рядом, и прикола того минут на десять. Быстро управимся. Попроси коллег присмотреть за литературой и все дела.

– Нет, – стоял на своем Артем. – Давай ближе к вечеру. Книги у меня дорогие, не хочу бросать. Давай ближе к вечеру.

Ближе к вечеру меня не устраивало никак. За это время Владимир Владимирович справки об Артеме наведет, и мероприятие можно считать несостоявшимся. Два часа – это максимум, что я могла себе позволить. Учитывая мои способности, за это время я только-только о разговоре с псевдосвязным успею рассказать, а тут и на явку пора. Фиг они что про Артема узнают. Так все распланировала удачно, а он мне тут «ближе к вечеру». Что за ерунда?!

В общем, решила я на последний аргумент.

– Покажи корень характера. Я принесу целую штуку баксов в оплату за ратный подвиг, столько здесь тебе не выстоять.

Трудно сказать, что подействовало сильнее, магическое самурайское заклинание о корне характера или обещание дать штуку баксов за услуги, но Артем сказал «ага», кивнул и (вот упрямец!) побежал договариваться, чтобы сосед, торгующий фолиантами по искусству, присмотрел за книгами в его отсутствие. Уже на бегу он шепнул:

– Через два часа во дворе у Кольки!

– Одежду попросторней да погрязней захвати, – шепнула и я.

– Сделаем, – пообещал Артем.

Глава 11

Святотатец

Чудный Аой Мацури!

Божественный император склоняется нынче перед исконными богами страны восходящего солнца. Перед покровителями Киото.

Божественный император!

С семьей будет молится он в древнем святилище своим прародителям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.